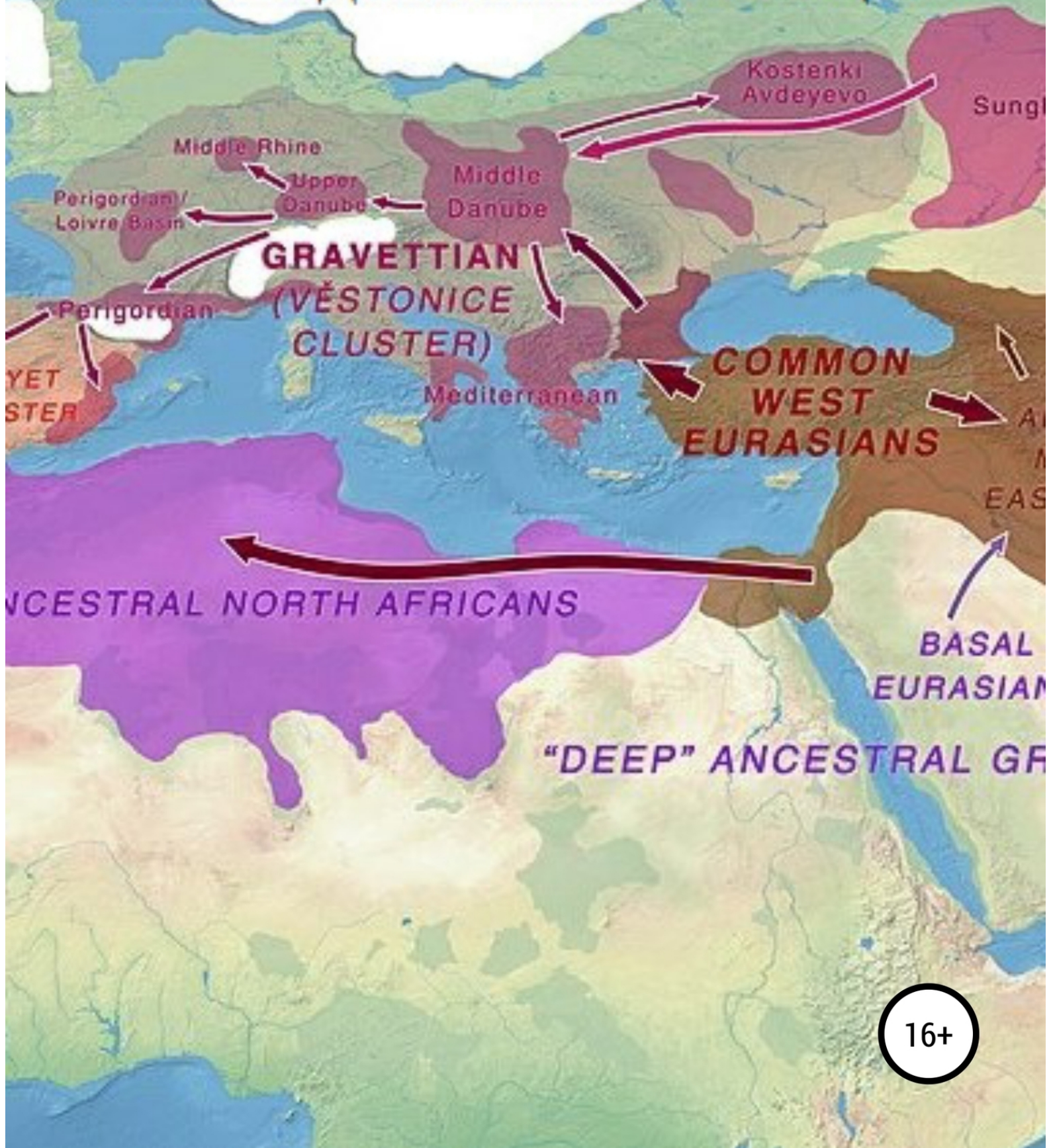

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ МИГРАЦИЙ

Ярослав Бутаков

Тайны древних миграций

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Бутаков Я. А.

Тайны древних миграций / Я. А. Бутаков — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

ISBN 978-5-532-03961-2

Коренных народов не существует! Кроме некоторых океанских островов, нигде на Земле не осталось народов, некогда первыми пришедших на ту или иную территорию. На протяжении десятков тысяч лет этнический состав любой территории Земли неоднократно менялся под воздействием миграций. Вся этногеография Земли создавалась миграциями. Любой разговор о «коренном народе» – антиисторическая политическая спекуляция, питающая агрессивный этнонационализм. Таков главный вывод, к которому приходит автор, изучив историю человеческих миграций.

ISBN 978-5-532-03961-2

© Бутаков Я. А., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

1. Межцивилизационный диалог и миграции	5
2. Теория	9
3. Мировоззрение древних	14
4. Хорошо известные миграции	17
5. «Откуда есть пошла земля Русская?»	23
6. В глубинах Центральной Азии	28
7. На берегах Средиземного моря	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

1. Межцивилизационный диалог и миграции

Современный мир с каждым днём всё сильнее стирает географические границы, смешивая расы, народы и культуры в глобальном «плавильном котле». Вопреки оптимистическим прогнозам, степень отчуждения различных групп человечества друг от друга при этом не ослабевает, а напротив, усиливается. Всплески шовинизма, ксенофобии, расизма давно стали обычным явлением для стран, привыкших кичиться своей «цивилизованностью». Искусственные механизмы сдерживания в виде насаждаемой «толерантности» не в состоянии снизить градус взаимной агрессивности, растущей со всех сторон, основанной на делении мира на «своих» и «чужих».

Данное явление порождено интенсивным ростом миграционных процессов, имеющих довольно многоплановые причины, чтобы пускаться тут хотя бы в беглый их пересказ. Однако массовые миграции народов присущи не только нашему времени. Выходит, что и в прежние эпохи истории человечества они приводили к тем же последствиям? Но, кажется, если бы это было так, то многообразие культур вообще было бы уже давно стёрто с лица Земли! Наглядным подтверждением тому для многих служат судьбы ряда народов Америки и Океании, исчезнувших или пришедших на грань исчезновения в результате столкновения с европейской цивилизацией Нового времени.

Между тем, доказанным фактом в истории считается то, что контакты между народами и расами, даже сильно отличающимися друг от друга, далеко не всегда развивались в плоскости войны. Война хоть столь же стара, как род человеческий, но древние народы не только воевали между собой, но и обменивались товарами и культурными достижениями, скрещивались, наконец. Локальные человеческие расы, как например, эфиопская, дравидская, малайская, полинезийская, возникшие в результате тысячелетнего смешения больших рас, наглядно показывают, что расизм отнюдь не довлел над сознанием людей в далёком прошлом. А возникновение некоторых цивилизаций древности иначе, как заимствованием культурных достижений или прямой миграцией их носителей в чуждую этнокультурную среду, не объяснить. При этом отношения между такими «культуртрегерами» и отсталыми туземными племенами, по-видимому, не приводили к истреблению или порабощению вторых.

Взгляд на человечество как на нечто раз данное в своём естестве и исторически неизменное неверен. Будучи продуктом биологической эволюции, *Homo sapiens* на вершине своего технологического могущества не избавлен от эволюционных факторов, непрерывно исподволь меняющих его самого и характер создаваемой им цивилизации.

Создатель новой науки – этологии, великий австрийский учёный Конрад Лоренц в прошлом столетии произвёл такой же по значению переворот во взглядах на природу человека, какой в XIX веке совершил Чарльз Дарвин. Решающим толчком для Лоренца послужил положительный шок, пережитый им во время Второй мировой войны.

Став, как и все бывшие австрийские граждане, в 1938 году подданным Третьего Рейха, Лоренц был в 1941 году призван в вермахт, где служил военным врачом. В 1944 году при попытке выйти из окружения под Витебском он, будучи ранен, попал в советский плен. Русский солдат, захвативший его, показывал ему жестами, пока конвоировал, что случилось: две русские воинские части, не разобравшись в темноте, где свои, а где противник, стреляли друг в друга. Наш солдат пытался объяснить, что сдававшегося немца ранили по ошибке. Это полное отсутствие агрессии по отношению к врагу в тот момент поразило Лоренца: ведь он сам бывал свидетелем зверского отношения немцев к пленным русским, а в то же время нацистская пропаганда внушала ему, что в плену у русских пощады не жди.

Впоследствии Лоренц столкнулся с другими фактами, трудно объяснимыми для западного человека. Будучи назначен помогать русскому врачу, лечившему раненых немецких пленников, он вначале не удивился тому, что врач не делает ампутаций тем раненым, кто, по мнению Лоренца, нуждался в этом. Австриец счёл естественным, что русские обрекают на смерть тяжело раненых врагов. Каково же было его удивление, когда он увидел, что эти раненые, вопреки всем канонам европейской медицины, начинали идти на поправку! Но ещё больше Лоренц изумился, когда узнал, что в русской медицине считается нормой излечивать такие ранения, не прибегая к ампутациям.

Возможно, что не только эти наблюдения и впечатления побудили Лоренца ещё в плену написать объёмную рукопись, послужившую основой многих его будущих трудов. Характерно, что ему позволили не только вести научную работу в лагере для военнопленных, но и забрать рукопись с собой, предварительно оставив в СССР две её копии для научных институтов. В 1948 году Лоренц вернулся на родину из этой загадочной России.

Внутривидовая агрессия – главная угроза существованию любого биологического вида, не исключая человека. Таков один из выводов концепции Лоренца. Другим выводом является то, что среди многих видов живых существ, включая, опять же, вид *Homo sapiens*, агрессивность всегда была и остаётся неотъемлемым средством внутривидового отбора. Это природное свойство человека. Здесь уже нетрудно провести соответствующие исторические параллели. Когда сталкиваются два коллектива людей, один из которых обладает над другим каким-либо преимуществом в виде эффективного смертоносного оружия, которое может применить, не боясь возмездия, то никаких инстинктивных механизмов, удерживающих от такого применения, у *Homo sapiens* не существует. В этом – причина безжалостного истребления европейскими колонизаторами, вооружёнными огнестрельным оружием, отсталых племён на краю Ойкумены.

Западноевропейская цивилизация неспроста стала доминирующей на планете. Этим она немало обязана, очевидно, и своей агрессивности, порождённой веками естественной селекции. О высокой склонности европейца к насилию свидетельствует хотя бы такое простое сопоставление. В средневековых городах Европы, Азии и Африки всегда жило немало евреев. При этом по христианской Западной Европе нередко прокатывались жестокие еврейские погромы, вследствие которых иудейские общины в целых странах оказывались уничтоженными. Из некоторых христианских стран (как, например, из Англии в XIII в., из Испании в XV в.) евреи были целенаправленно депортированы. В то же время мусульманский Восток до конца XVIII века не знал ни одного погрома иудеев! Первые акты такого рода начались только тогда, когда, очевидно, необходимость постоянно противостоять экспансии христиан (начавшейся с Крестовых походов) выработала у мусульман соответствующие агрессивные комплексы.

Следует отметить также, что в городах мусульманского Востока столетиями существовали христианские общины. А можно ли представить общину мусульман в каком-нибудь городе средневековой Западной Европы? Вероятно, все эти рассуждения кому-то покажутся не очень убедительными. Однако факт: в христианской Западной Европе вплоть до эпохи Проревущения (Реформация тут мало что изменила; вернее, даже усилила нетерпимость к инаковерующим) принудительно однородное в религиозном отношении государство было правилом, а многоконфессиональное – исключением, тогда как на арабо-мусульманском Востоке – наоборот.

В более высокой, по сравнению с окружающими, агрессивности западного человека кроется и причина германской экспансии на славянский мир, в последнем акте которой поучаствовал Конрад Лоренц. Можно сказать, что неудача этой экспансии заставила «всегда национал-социалиста» (как он сам себя назвал в 1938 г.) Лоренца изменить многие свои взгляды на мир, следствием чего и стала его научная концепция.

В Великой Отечественной войне менее агрессивная цивилизация – русская (по понятиям западноевропейца – разновидность восточной цивилизации) – обломала зубы самому агрессивному на тот момент отряду западной цивилизации только оказавшись перед угрозой собственного физического уничтожения. Но что, если бы у русской цивилизации не оказалось достаточного количества оружия, и если бы западная цивилизация выступила против неё единым фронтом (как хотел Гитлер, мечтавший видеть своими союзниками Англию и США)? А только то, что программа, возвещённая в «Майн Кампф», осуществилась бы, и русских, а также и большинство других народов России—Евразии, постигла бы, в лучшем случае, участь американских индейцев или австралийских «аборигенов».

Впрочем, именно в силу своей более высокой агрессивности западная цивилизация вряд ли будет когда-нибудь в состоянии прочно объединиться против всего остального мира: взаимные распри всегда возобладают в ней прежде, чем осуществляются планы её глобального господства. «Зло часто побеждает само себя», – говорят иногда, и в отношении человечества это – один из естественных механизмов биологического самосохранения вида.

Но в наше время многие из этих механизмов перестают действовать. По Лоренцу, выживание самых агрессивных может представлять угрозу существованию вида. «Внутривидовой отбор и сегодня действует в нежелательном направлении, – пишет он про *Homo sapiens* в своей знаменитой книге «Агрессия. Так называемое “зло”». – ... Отбор так же интенсивно поощряет инстинктивную подоплюку накопительства, тщеславия и проч., как подавляет простую порядочность. Нынешняя коммерческая конкуренция грозит вызвать по меньшей мере такую же ужасную гипертрофию упомянутых побуждений, какую у внутривидовой агрессии вызвало военное состязание людей каменного века. Счастье лишь в том, что выигрыш богатства и власти не ведёт к многочисленности потомства, иначе положение человечества было бы ещё хуже».

Эти современные факторы человеческой эволюции уже оказали и продолжают оказывать деструктивное влияние на многие цивилизации, в том числе на русскую. Чем объяснить неуклонное снижение численности русских в эру новейшего капитализма? Прежде всего – подавленностью естественных человеческих склонностей и инстинктов в непрерывной конкуренции с ближним своим за доход, статус и т.д. «Бег человечества наперегонки с самим собой, подстёгивающий гибельное, всё ускоряющееся развитие техники, делает людей слепыми ко всем подлинным ценностям и не оставляет им времени для подлинно человеческой деятельности – размышления, – предупреждает Лоренц об опасностях капитализма в своей книге «Восемь смертных грехов человечества». – ... В современной цивилизации нет никаких факторов, ... которые могли бы производить селекционное давление в пользу развития и сохранения норм общественного поведения, хотя с ростом общества такие нормы всё более нужны».

Итак, ясно, что даже в историческую эпоху человечество не остаётся неизменным, а непрерывно эволюционирует – на благо себе или же на погибель. При этом темпы и направления этой эволюции всегда были неодинаковы у разных групп человечества. Неверно механически переносить императивы поведения, характерные для современного человека, в глубину веков. Хотя в основе человеческой деятельности лежал и лежит набор одних и тех же мотивов, но их соотношение меняется с течением времени и от одной культуры к другой.

На страницах этой книги мы пройдем путями древних путешественников и мореплавателей, имена которых уже стёрты из памяти людской. Мы постараемся раскрыть загадки заселения тех или иных земель, возникновения многих цивилизаций. Мы попытаемся взглянуть на мир их глазами – глазами первооткрывателей. Этот взгляд априори позволял видеть в каждом чужаке не только потенциального врага, но и потенциального друга. В отличие от новейших времён, оттенки кожи, а тем более религиозные верования не играли в решении вопроса «враг или друг?» решающей роли. Хотя, как мы увидим, в некоторых случаях мрачные пророчества насчёт взаимоистребления рода человеческого уже исполнились в отдельно взятых

уголках Земли, где люди оказывались в особых условиях. Мы развернём широкую историческую панораму древнего движения человеческих рас.

Вперёд в прошлое, учитывая всё выше сказанное о роде людском!

2. Теория

О том, что народы не всегда живут на одной и той же территории, было хорошо известно ещё в древности. Это наблюдение было сделано задолго до того, как возникла такая область знаний, как история. Просто люди помнили, что пришли откуда-то со стороны и заселили ту землю, которая стала их второй родиной. Воспоминания о первой родине, прародине, более или менее явственные, долго оставались в мифах народа.

Так, древние индоарии сохраняли в преданиях смутные географические сведения о своей прежней северной родине. У части полинезийцев есть мифы о том, что они приплыли с востока. Да что там далеко ходить за примерами – сами древние евреи, согласно Библии, пришли в землю обетованную – Палестину – из Египта, а ещё раньше жили в разных других местах Ближнего Востока. Легенды о бывших переселениях имеются у очень многих народов Земли. Не всегда подобные древние сказания и легенды правдиво указывают на направление древних миграций, не говоря уже об истинном расположении прародины. Но само представление о миграциях, перемещениях целых народов по лику Земли, присуще людям искони.

Древние греки прекрасно помнили, что их предки пришли на земли Эллады с севера, и это подтверждается нынешней наукой. Прежде них Греция населялась пеласгами – народом загадочного происхождения, остатки которого сохранялись в некоторых областях Эллады и в историческое время. Сами эллины считали, что заимствовали у пеласгов немало в области аграрной техники и религиозных верований. Позже, в древнем Риме была популярна легенда, связывавшая происхождение латинского народа с легендарной Троей. Последние троянцы во главе с Энеем отплыли на запад и высадились на берегу Апеннинского полуострова, где и дали начало будущим римлянам. Некоторые историки нынче считают, что этруски, у которых древние римляне переняли многие элементы религии, культуры и политического устройства, переселились в Италию именно из Малой Азии. Так что у легенды об Энее вполне может быть рациональное историческое зерно.

Переселения народов по суше никогда не вызывали сомнений. Так же казалось нетрудным вообразить себе каботажное плавание – вдоль берегов континента или от острова к острову. Подобным образом заселялось причудливо изрезанное побережье Средиземного моря. Последнее, к тому же, особенно в северо-восточной части (Эгейское море), изобилует островами. От острова к острову двигались первые обитатели Океании. Остров Мадагаскар ещё в первые века н.э. был колонизован народами, близкими к тем, что доныне заселяют острова Индонезии. Для средневековых арабов, открывших Мадагаскар для цивилизации, происхождение мальгашей не представляло сомнений: те приплыли Индийским океаном вдоль берегов Индостана, Аравии, Африки. Ещё раньше – от острова к острову – индийцы заселили Мальдивские острова.

Впрочем, Мадагаскар представляет собой замечательный пример двойного заселения. Португальские мореплаватели, открывшие этот остров для европейцев в начале XVI века, встретили во многих его районах не малайцев, а негров. Сейчас население Мадагаскара говорит на одном языке – малагасийском (австронезийской семьи), но в ту пору жители разных районов острова не понимали языка друг друга. Неизвестно, раньше или позже малайцев африканцы достигли Мадагаскара, но факт, что они сделали это самостоятельно, а не в качестве невольников у европейцев или арабов. Населяли они и остров, лежащий в проливе посредине между Африкой и Мадагаскаром (ныне остров Европа).

Многочисленные факты миграций народов в древности и в Средние века привели к тому, что в XIX веке историческая наука даже чересчур увлеклась миграционной теорией. В переселениях стали видеть причину возникновения большинства цивилизаций прошлого. А все их –

возводить едва ли не к одному первоисточнику. Впрочем, такая точка зрения тоже коренилась в древних легендах. Ведь ещё в IV в. до н.э. Платон рассказал людям об Атлантиде, и с тех пор не утихают споры о том, была ли на самом деле такая страна, откуда, по его утверждению, исходят знания древних египтян. А Египет считался в Элладе (да и не только в ней) средоточием мудрости всего античного мира, колыбелью религий и наук.

Была Атлантида или нет, но очень долго учёные отрицали за древними людьми всякую возможность совершать трансокеанские плавания. А если уж и находился какой-то артефакт, который трудно было объяснить без допущения контактов между Старым и Новым Светом, то его были склонны приписывать скорее мифическим атлантам, чем какой-то из известных цивилизаций древности. В самом деле, ведь ни египетские, ни финикийские, ни греко-римские письменные источники не содержат упоминаний об Америке.

Английский путешественник Персиваль Х. Фосетт в начале XX века потратил немало сил, чтобы отыскать в глубине Южной Америки остатки древней цивилизации – предшественницы империи инков. На скрытые в джунглях Амазонии руины огромных городов указывали многочисленные свидетельства путешественников, начиная с XVI века. У многих индейских племён есть легенды о «белых богах», пришедших откуда-то с востока, из-за моря, и научивших индейцев полезным вещам – луку со стрелами, земледелию и т.д. Сам Фосетт, по его уверениям, видел среди индейцев, совершенно не затронутых цивилизацией, ... белых людей! Его свидетельства находят подтверждение и у некоторых других знатоков Южной Америки. В своих странствиях Фосетт обнаружил загадочный артефакт – небольшую статуэтку, вроде идола, о происхождении которого ничего не могли сказать археологи. Экстрасенс, подвергший артефакт дактильной экспертизе, впал в транс и выдал Фосетту картину, напоминающую сказание о гибели Атлантиды. Сам Фосетт не вернулся из последнего своего путешествия в 1925 году... Но до сих пор время от времени приходят известия о находке загадочных развалин где-то в амазонских джунглях. Была ли до-инкская цивилизация Америки? Местного она происхождения или принесена извне? Вопрос открыт.

Возможно, что для объяснения многих загадок древности вовсе не нужно привлекать гипотезу об Атлантиде, хотя мы и её коснёмся в свой черёд. Подлинный переворот в представлениях о миграциях древних народов совершил в середине XX века норвежец Тур Хейердал.

Кто он? Чаще всего его называют путешественником, археологом, антропологом. Ни одно из этих определений ему не подходит. Он не был профессиональным археологом – для проведения своих археологических исследований он нанимал специалистов. Он не измерял черепа, не сопоставлял краниологические серии. Путешественником (вернее, чаще мореплавателем) Хейердал становился лишь для того, чтобы доказать какую-то свою гипотезу. Но многие его гипотезы так и не были приняты академической наукой. Правильнее было бы считать его предпринимателем-новатором, открывшим принципиально новую сферу бизнеса – на стыке науки, экстремального спорта и PR.

Хейердал далеко не первым обратил внимание на то, что многие сходства в истории далёких друг от друга (географически) человеческих культур нельзя объяснить параллельным развитием. Если какие-то изобретения (земледелие, колесо, календарь, строительная техника и т.д.) ещё могли быть сделаны независимо друг от друга в разных частях земного шара, то, например, культурное растение могло появиться на континенте, где у него не было своего дикого предка, только с помощью человека. Но Хейердал бы первым, кто перевёл обоснование тезиса о трансокеанских плаваниях до Колумба в практическую плоскость. Достойный потомок викингов экспериментально показал, что такие плавания были возможны. Своими плаваниями на реконструкциях допотопных мореходных судов (плотов, папирусных лодок и т.д.) он привлёк к себе всеобщее внимание, заставил заговорить о себе мир. Начиная с плавания на «Ра» в 1969 году, совершённого интернациональным экипажем, Хейердал придавал своим

предприятиям актуальное политическое звучание, чем заработал известность едва ли не большую, чем своими научными теориями.

Хейердал имел своих последователей в открытой им сфере деятельности, самым известным из которых стал англичанин Тимоти Северин. Правда, таких плаваний, как у Хейердала, он совершил всего одно – по следам св. Брендана, показав, что ирландские монахи ещё в VI столетии могли достигать берегов Северной Америки. Все прочие вояжи Северина – сухопутные и морские – играли чисто спортивную и рекламную роли.

Каков же был вклад Хейердала в науку о прошлом человечества? Ещё раз подчеркну: он не доказал неопровержимо наличие глобальных миграций в глубокой древности, а лишь показал, что такие миграции могли иметь место. Между этими двумя позициями существует, согласитесь, ощутимая разница. Среди его гипотез есть как весьма убедительные (об участии древних обитателей Америки в заселении островов Тихого океана), так и крайне сомнительные (о происхождении древних скандинавов с Кавказа). Но он заставил иначе взглянуть на саму проблему древних миграций.

Несомненной заслугой Хейердала стало то, что он по-новому трактовал роль океанов в истории человечества. Океаны – не непреодолимое препятствие между древними народами, но это – и не пространство для свободного и беспрепятственного перемещения во всех направлениях. Океан неоднороден. Для мореплавателей древности гораздо большее значение, чем даже для каравелл Колумба, имели направления господствующих ветров и течений. Это лишь на географической карте расстояние между пунктом А и пунктом Б равно расстоянию между пунктом Б и пунктом А.

«Чем меньше собственная скорость судна, тем больше несоответствие между измеренным и действительно пройденным путём, – пишет Хейердал в своей книге «Приключения одной теории». – ... Абсолютное расстояние от Перу до островов Туамоту приблизительно 4000 миль. А на самом деле плот «Кон-Тики», пройдя от Перу до Туамоту, пересёк всего около 1000 миль океанской поверхности. Если представить себе первобытное судно, способное идти с той же собственной скоростью и тоже по прямой, но в противоположном направлении, ему, чтобы попасть с Туамоту в Перу, пришлось бы пройти 7000 миль по океанской поверхности. Дело в том, что за время плавания сама поверхность океана сместилась примерно на 3000 миль». В качестве примера Хейердал приводит бег человека по движущемуся эскалатору: по ходу его перемещения и против него.

Вывод: океаны как бы пересечены гигантскими ленточными транспортёрами, способными перенести всё, что может держаться на плаву. В первую очередь, конечно же, судно с древними мореплавателями, а не плод культурного растения. «Всякий, кто дрейфовал через океан, хорошо знает, что небольшие съедобные предметы, такие, как тыква, выброшенные за борт, сразу же станут добычей акул и “сверлящих” организмов ... Парадоксально утверждение, будто из двух элементов африканской культуры – сухопутной тыквы и морской лодки – именно тыква, а не лодка может успешно доплыть до Америки!»

По иронии судьбы знаменитый норвежец как бы «закрыл» приоритет своих древних соотечественников – викингов – в открытии Америки людьми Старого Света, показав, что ещё древние египтяне могли достигать берегов Нового Света. А если так, то – и финикийцы, обладавшие гораздо лучшей, чем египтяне эпохи великих фараонов, мореходной техникой. Впрочем, мы в своём месте покажем, что, по-видимому, людей белой расы следует числить среди древнейших обитателей Америки за много тысяч лет до нашей эры. Хотя, конечно, мало что роднило их с будущими индоевропейскими или семито-хамитскими народами исторической эпохи.

Итак, сверхдальние миграции людей между континентами – явление не только последних пяти-шести столетий, отмеченных доминированием европейской цивилизации, а всей человеческой истории. «Мы восхищаемся способностями и мастерством древних, воплощёнными

в их гигантских пирамидах, совершенном календаре, богатой литературе и глубокой философии, – пишет Хейердал, – ... правильно ли одновременно отказывать им в возможностях сделать то, что сделал Писарро с горсткой своих людей в эпоху, отмеченную суевериями и невежеством?»

Довод, на первый взгляд убедительный, при внимательном рассмотрении оказывается натянутым. Составные элементы, из которых складывается та или иная культура, развиваются неодинаковыми темпами. У нас с трудом укладывается в голове, как это древние греки очень долго не могли понять, что сверкающая белизна вершины Олимпа, снег, очень редко выпадающий на равнинах Греции, и «летающие перья» (как ещё во времена Геродота – V в. до н.э. – понтийские греки называли снежные хлопья) в земле скифов – по природе своей один и тот же снег. До этого обобщения они додумались уже после того, как освоили берега Средиземного моря и Пифагор сформулировал теорему, носящую его имя. Как и не было у них слова для обозначения синего цвета. Жители доколумбовой Америки не знали колёсного транспорта, хотя их дети играли с игрушками на колёсиках. Последнее обстоятельство стало для Хейердала ещё одним доводом в пользу того, что сама идея колеса, в форме игрушки, но не его практическое использование, была заимствована древними индейцами из Старого Света. И неверно, что индейцам негде было использовать колесо: у них были вьючные домашние животные – ламы. Но до того, чтобы впрячь ламу в колёсную повозку, инки не додумались. Короткий шажок от игрушки к практическому изобретению ими так и не был сделан за тысячелетия. Древние римляне не знали закона сообщающихся сосудов, что вынуждало их строить длинные акведуки там, где достаточно было бы проложить короткий трубопровод.

Поэтому не было бы ничего удивительного и в том, если бы первые целенаправленные трансокеанские плавания совершили всё-таки средневековые европейцы. Колумб направил свои каравеллы прямо на запад через Атлантический океан, потому что был убеждён в шарообразности Земли и в том, что рано или поздно повстречает сушу. Для этого вовсе не обязательно, чтобы во всём остальном его цивилизация превосходила античную или древнеегипетскую. Но! Задолго до Колумба древние греки обосновали шарообразность Земли, хотя сейчас сложно точно сказать, когда эта гипотеза стала разделяться большинством образованных людей античного мира. Известно, что во времена Аристотеля (IV в. до н.э.), который её отстаивал, она ещё не была общепринятой. Кстати, Аристотель считал, что не единый мировой океан, а единый материк опоясывает весь земной шар.

Да и, оказывается, вовсе не обязательно быть уверенным в шарообразности Земли, чтобы отплыть в открытый океан за пределы видимости берега. Древние мореплаватели могли преодолевать большие расстояния, следуя за полётом птиц. Птицы семейства фрегатов, обитающие на берегах и островах всех океанов планеты (кроме Северного Ледовитого), питаются тем, что отбирают добычу у других морских птиц. Сами же фрегаты неспособны взлететь с поверхности воды, так что вынужденная посадка на неё означает для них смерть. Несмотря на это, фрегатов наблюдали над морем на расстояниях свыше 500 км от ближайшего берега. Но в любом случае фрегату для отдыха необходимо возвращаться на сушу. Зная это их свойство, древние мореплаватели, следуя за фрегатами, могли перемещаться между океаническими островами, разделёнными тысячей километров.

Мы не говорим тут о тех кораблях, которые бурей могло отнести далеко от побережья. Их экипажи теряли ориентацию в пространстве и им ничего не оставалось, как лечь в дрейф. Теоретически такие суда могли достигать побережья другого материка. Но чтобы при этом на борту остался кто-то живой, корабль должен был быть предусмотрительно снабжён огромным запасом пресной воды. Кроме того, трудно было ожидать от таких случайных гостей знакомства с большинством культурных достижений своей родины. А теория дальних миграций предполагает такое знакомство. Наверное, прав Хейердал, когда говорит, что речь должна идти не о случайных кораблях, заброшенных через океан бурей или попутным ветром, а о тщательно

подготовленных экспедициях колонистов, почему-либо сбившихся с пути. А может, даже не о сбившихся, а, как Колумб, теоретически представлявших, куда идти?

По-видимому, перед мореплавателями доколумбовых эпох действительно стояло не больше психологических преград странствию через открытый океан, чем перед испанскими конкистадорами. Наоборот, убеждение в том, что Земля плоская, позволяло чувствовать себя уверенно: плыть килем кверху и ходить вверх тормашками не придётся! Гораздо больше проблем могло возникнуть в другом – при контакте с людьми по ту сторону океана. То, как древние решали эти проблемы, имело более важное значение для культурного развития человечества, чем любые их представления о геометрической форме нашей планеты.

3. Мироззрение древних

Мирное сотрудничество и насилие в отношениях между народами идут бок о бок, и было бы неверно абсолютизировать роль того или другого в истории человечества. Но очень интересно понять, как могли развиваться контакты между расами и цивилизациями в далёком прошлом. Ведь, подобно снегу, который грекам гомеровского времени представлялся разным по природе в зависимости от места, для древних не существовало понятия «человечество» вообще, в целом. Недаром в языках многих народов мира (в том числе наших марийцев, мордвы, удмуртов, манси и др.) слово «человек» (вар. «мужчина») тождественно самоназванию народа. Это означает, что все прочие народы автоматически как бы выключались из понятия «люди».

Конрад Лоренц пишет по этому вопросу: «Первые настоящие люди, каких мы знаем из доисторических эпох, ... вели себя почти также, как некоторые ещё и сегодня живущие племена, например, папуасы Центральной Новой Гвинеи. У них каждое из крошечных селений находится в постоянном состоянии войны с соседями, в отношениях взаимной умеренной охоты за головами. “Умеренность” ... состоит в том, что... лишь при okazji, случайно встретив на границе своей области какую-нибудь старуху или пару детей, “зовут с собой” их головы». Это предполагает, что внутри каждой такой группы, находящейся в состоянии перманентной смертельной вражды со всеми остальными, царит всеобщее братство, чуть ли не идиллия по нынешним меркам: «Все мужчины неизбежно должны стать побратимами; они – друзья в самом настоящем смысле слова, каждый не раз спасал другому жизнь. И хотя между ними возможно какое-то соперничество, ... оно неизбежно отходит на задний план перед постоянной необходимостью вместе защищаться от враждебных соседей».

Означает ли это, что любой чужак, если только не может защитить себя, обречён на уничтожение? Если бы так, то никакой проблемы взаимодействия культур не существовало. Когда пришельцев мало или они хуже вооружены, то туземцы истребляют их. Когда пришельцев много или они лучше вооружены, то они истребляют, изгоняют или порабащают туземцев и занимают их территорию. По правде, факты такого рода тоже известны из истории. Однако они, в чистом виде, скорее, исключение из правил, нежели общее правило.

Почему? Да потому, что «чужак» вовсе не обязательно означает «враг»! В вышеприведённом классическом примере с «охотниками за головами» – кто враг? Человек соседнего племени, обладающий тем же цветом кожи и даже говорящий почти на том же языке! А как могли, скажем, древние обитатели Америки смотреть на высадившихся у побережья египтян эпохи фараонов или испанцев времён костров инквизиции? Вполне естественно было подумать: а не помогут ли загадочные пришельцы (которые вообще не вписывались в понятие «люди», так как «люди» – это лишь соплеменники) против соседнего враждебного племени?!

Между прочим, это было характерно не только для «дикарей». На эту удочку ловились вполне цивилизованные страны. Вся колонизаторская политика европейцев в XVI–XIX вв. была построена на принципе «разделяй и властвуй», когда империалисты использовали в своих целях застарелую вражду туземцев меж собою. Кортес и Писарро сокрушили могучие империи (соответственно) ацтеков и инков, явившись в ореоле освободителей для многочисленных местных народов, которых ацтеки и инки прежде поработили. Индия была завоёвана англичанами путём натравливания друг на друга тамошних раджей и султанов, каждый из которых искал покровительства могущественных пришельцев лишь для того, чтобы отвоевать у соседнего суверена какую-нибудь паршивую деревеньку.

Таким образом, непохожесть незваных пришельцев на «аборигенов» могла как спровоцировать вторых на насилие, так и сослужить первым неплохую службу – всё зависело от кон-

кретных обстоятельств встречи, зачастую даже от случайных нюансов. Известно, что туземцы многих островов Океании воспринимали отдельные жесты европейских мореплавателей как акты дарения. И те, и другие потом очень удивлялись: европейцы – «вероломству» и «воровству» туземцев, а те – неспровоцированным и спонтанным (по их мнению) актам насилия со стороны белых. Но в иных случаях контакт мог проходить вполне мирно. Другой цвет кожи и странный культурный антураж как бы выводил пришельцев за рамки моральных норм «аборигенов». Учитывая, что среди этих норм насилие было общепринятым, далеко не всегда это было плохо. Впрочем, то же самое можно сказать и о пришельцах.

Общеизвестно, что всё новое вызывает двоякую реакцию – страх и любопытство. Отсюда в отношении к новому возможны два стремления – уничтожить и использовать с выгодой. Что в каждом конкретном случае возобладает – зависит от множества привходящих факторов. Очевидно, что диалектикой этих взаимопротиворечащих стремлений всякий раз определяются любые контакты между представителями разных культур.

Совершенно неверно искать в основе успеха мирного характера этих контактов в далёком прошлом зачатки каких-то представлений о единстве человечества, об «общечеловеческих ценностях» и т.д. Напротив, именно сознание своей исключительности позволяло смотреть на недавно узнанных соседей по планете не как на людей. Как это ни кажется теперь парадоксальным, но именно подобный взгляд лучше всего предохранял от превентивного насилия согласно представлению, что всякий человек вне родного племени является врагом. Если в первых контактах не было чего-то, провоцировавшего спонтанного насилия, дальнейшие контакты могли развиваться дальше по линии получения обоюдной пользы от общения. Этому не мешало, что обе стороны продолжали смотреть друг на друга, как мы сейчас смотрели бы на инопланетян. Если они не проявляют враждебности (по нашим понятиям), а от контактов с ними мы можем почерпнуть пользу, то их соседство можно стерпеть. Но абстрактная «гуманность» в их отношении нас бы не связывала, случись чего...

Никакие отвлечённые «общечеловеческие» идеи над сознанием древних людей не довели. Вряд ли какой-нибудь великий народ (а не одни лишь евреи) в прошлом избежал соблазна собственной исключительности. Китайцы всегда и до сих пор мнят себя господами мира, а если мир об этом не знает, то тем хуже для него! Древние греки всегда противопоставляли себя «варварам», т.е. всем остальным, а Аристотель договорился до того, что любой варвар по природе своей – раб и предназначен лишь для того, чтобы служить эллинам. Римляне заимствовали эту же точку зрения, подставив на место греков самих себя. Русские во времена Московского царства считали только себя избранных к спасению в конце времён (концепция Третьего Рима), тогда как всем неправославным предстояло погибнуть...

Но верно то, что это разделение на избранный народ и остальных вряд ли когда-нибудь (кроме Новейшего времени – идеологии расизма и нацизма) носило расово-биологический характер. Для Аристотеля и его современников эллин – это прежде всего человек эллинской культуры. Да и трудно было эллинам противопоставить себя таким же белым соседям в расовом смысле. Для древних евреев принадлежность к избранному народу определялась только верой в единого бога Яхве и выполнением его завета – обряда обрезания.

Долгое время историки считали, что древние арии, вторгшиеся в Индию в конце II тысячелетия до н.э. (существуют и более ранние датировки), в расовом отношении противопоставляли себя более древним обитателям Индийского субконтинента. Подробный анализ текстов Ригведы и других древнеиндийских источников убедил большинство исследователей, что, хотя расовые отличия между пришельцами и туземцами имели место, деление на «своих» и «чужих» не было детерминировано расой. Уже на ранних стадиях арийской колонизации Индии в состав арийских этносов включались группы туземных племён. В то же время имелись группы индоариев, стоявших вне племенной и культовой организации ведических индоариев, и отношение к ним у последних было такое же, как ко всем прочим «неарийским» племенам.

«Расизм возник сравнительно недавно и в прямой связи с расцветом колониализма, – пишут глубочайшие отечественные знатоки древней Индии Г.М. Бонгард-Левин и Г.Ф. Ильин, – поэтому приписывание древним народам расистских убеждений – не что иное, как явная модернизация ... Даже различия в языке никогда не считались существенными, понятие же о расе отсутствовало вовсе. Согласно эпосу, многие герои, святые мудрецы и даже боги ... обладали чёрной или синей кожей, и это не считалось порочащей их чертой».

Итак, система идентификации «враг или друг» у древних народов основывалась на комплексе многих факторов, а не зависела от абсолютизации какой-то одной черты в облике или поведении. И здесь необходимо вспомнить то, что мы выше писали о росте агрессивности как о магистральном направлении человеческого развития. Этот тезис доказывается всей историей цивилизации. Так, например, древний мир не знал религиозных войн. Последние появились только с возникновением первой космополитической монотеистической религии – христианства. Древние не пытались никого обратить в свою веру. Возможно, им бы даже показалось кощунством, если бы другое племя заимствовало у них богов. Ведь боги (и даже иудейский Яхве) были покровителями конкретного народа. Допустимо было поклоняться богам лишь на их, так сказать, ПМЖ – это было и формой дани местному племени.

Впрочем, уже в эпоху эллинизма заимствования богов распространились очень широко, но этому быстро нашлось обоснование. Вместе с божеством на его новой родине утверждался и престиж прежнего места обитания божества. Так, ближневосточные жрецы усиленно поощряли распространение культов Кибелы и Изиды в Риме. Несомненно, что, хотя древние были лишены абстрактных «общечеловеческих» идей в их современном понимании, им не хуже, чем нам, удавалось наладить мирные связи между различными культурами и расами. В чём-то, очевидно, даже лучше нас.

4. Хорошо известные миграции

В наше время всё больше говорят о миграции жителей Азии и Африки в страны Европы, включая миграцию населения Кавказа и Центральной Азии в европейскую часть России. Этот массовый процесс развернулся сравнительно недавно, поэтому он привлёк к себе особенное внимание. Миграция мексиканцев и других латиноамериканцев в США, имеющая сходные причины с прежде названной, стала как-то привычной. Ещё более привычна миграция из Европы и Восточной Азии в Новый Свет. Она продолжается уже не первое столетие. Её масштабы до сих пор не меньше, чем первой и второй из названных в этой главе, но она давно воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Вот если бы она прекратилась, и люди, наоборот, стали бы больше эмигрировать из США и Канады, чем въезжать туда, тогда это выглядело бы сенсацией.

Так что массовая миграция – явление в истории человечества самое обыденное. Меняются лишь направления и интенсивность миграционных потоков.

Из миграций последних пяти столетий переселение из разных стран Европы (а с XX века – и Азии) в Новый Свет (в меньшей степени в Южную Африку и Австралию) – самое массовое и устойчивое. Другими, немного менее массовыми, но заметными в глобальном масштабе и столь же устойчивыми были:

1. Расселение русских по просторам евразийской Степи и в Сибири, а чуть позже – также и на Дальнем Востоке Евразии (XVI–XX вв.).

2. Заселение Дальнего Запада Северной Америки белыми колонистами (начиная с XIX в.)

3. Расселение китайцев в западных (Тибет, Цинхай, Синьцзян) и северных (Маньчжурия) районах Китая.

4. Вывоз негров-рабов из Африки в Новый Свет (XVI–XIX вв.).

5. Эмиграция индийских рабочих-кули в Новый Свет и британские колонии в других частях света (XIX – 1-я пол. XX вв.).

Первый из этих процессов в самом конце XX столетия сменился обратным оттоком русских в европейскую часть России. Второй почти прекратился, третий продолжается по сей день.

Характерно, что всем названным миграционным процессам предшествовал военный захват территории. Сначала шли завоеватели, потом – исследователи (иногда первые и вторые соединялись в одном лице) и после – добровольные или подневольные переселенцы.

Если современную миграцию в США ещё можно считать продолжением той, что началась после завоевания этой территории белыми, то миграция из Азии и Африки в Европу представляет собой нечто иное по характеру. Она больше напоминает переселенческие волны древности, когда колонисты оседали среди более многочисленного туземного населения, а не на пустующие земли. Будучи по масштабу миграцией, по типу взаимоотношений с «аборигенами» (т.е. с европейцами) это, скорее, инфильтрация. В старину же инфильтрация была самым распространённым видом переселения народов.

В Средние века, предшествовавшие эпохе Великих географических открытий, массовые миграции происходили больше по сухопутным маршрутам, хотя и морские не исключались. Самой, как многим кажется, известной из них является Великое переселение народов (IV–XIII вв.). Именно «кажется», тогда как на самом деле этот феномен до сих пор трактуется совершенно по-разному. Видимо, под словами Великое переселение народов (ВПН) мы объединяем несколько различных по характеру, размерам и направлению миграционных и инфильтрационных потоков.

Возьмём, например, пресловутое вторжение варваров в Римскую империю, которое якобы положило конец Древнему Риму. «Пресловутое» – потому, что взаимоотношения Римской империи с её племенной периферией отнюдь не исчерпывались военной тематикой. Достаточно сказать, что в последние века Империи многие германские племена состояли у неё на службе, а римского военачальника Стилихона, вандала по этносу, вообще называли «последним римлянином». «Якобы» – потому, что кризис Империи начался задолго до ВПН и независимо от него. Ну и, наконец, что осталось от франков, готов, вандалов, бургундов, гуннов, образовавших свои государства на развалинах Рима? А ничего, кроме названий стран или областей. Даже своего языка они не принесли покорённому населению, а усвоили его искажённую латынь. Отсюда ясно, что завоеватели-варвары вскоре растворились в массе побеждённого ими населения. Это обстоятельство побуждает считать, что ВПН в Западной Европе как такового не было, а имели место лишь походы отдельных воинских дружин, тогда как масса выделивших их народов оставалась на своём прежнем ПМЖ. Нечто подобное, как уже точно известно, представляли собой позднее – в VIII–XI вв. – походы викингов из Скандинавии.

А вот с расселением славян в VI–VIII вв. в пределах Восточно-Римской империи (Византии) дело обстоит уже иначе. Здесь переселенцы-завоеватели становились численно доминирующими этносами. Правда, ещё больше ста лет назад великий чешский учёный Любор Нидерле отметил на Балканах ряд географических названий, указывающих на присутствие здесь славян в античную эпоху. В наше время всё больше исследователей склоняются к той точке зрения, что славяне не впервые появились на Балканах в VI веке. Они жили здесь и раньше, а в раннем Средневековье они дозрели до образования собственной государственности и повели завоевательную политику. Возможно, что такой массовой и бурной миграции славян на Балканы, как обычно принято думать, не было, а имела место длившаяся столетиями инфильтрация. Некоторые учёные считают, что славяне в Балкано-Дунайском регионе были известны античным географам и историкам под иными названиями, кроме венедов (как с I в. н.э. римляне называли славян, живших к северу от Карпат).

Зато применительно к обширной полосе евразийских степей, полупустынь и пустынь (Великой Степи, как назвал этот природный регион Лев Гумилёв) массовые перекочёвки целых этносов несомненны. И последние из них связаны со знаменитыми походами Чингисхана и его преемников. Считается установленным фактом, что на смену народам иранской языковой группы (скифам, сарматам, аланам), доминировавшим (последовательно сменяя друг друга) в Великой Степи в античную эпоху, постепенно, несколькими волнами, пришли народы тюркские и монгольские. Правда, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос: как отразилось это на антропологическом облике средневековых обитателей Великой Степи? А от него зависит ответ на более важный вопрос: какие процессы тут преобладали – вытеснения одних народов другими или же их взаимной ассимиляции?

В отношении же южной ветви тюркской экспансии, в XI веке докатившейся до Малой Азии и положившей начало будущему турецкому этносу, всё в этом смысле ясно: современное население Турции в антропологическом плане не отличается от предшествовавшего ему населения Восточно-Римской империи, говорившего в основном по-гречески. То есть местное население заимствовало язык завоевателей, но в физическом плане ассимилировало их. Точно также обстоит дело в Венгрии, которую кочевники с Урала основали в конце IX века: славянское население восприняло язык покорителей, растворив их при этом в себе. А вот ещё один тюркский народ – болгары, – подчинившие часть славян к югу от Дуная в VII веке, оставили им только своё название, полностью утратив в местной среде не только свой особый облик (если он был), но и свой язык.

В то время как средневековым европейцам немало волнений доставляли отголоски процессов, зарождавшихся в центрально-азиатском этническом котле, на Востоке были свои проблемы. Сюда тоже докатывались волны ВПН, но тем же потомкам Чингисхана удалось здесь

лишь основать несколько династий, и то ненадолго. А зато раньше – веках в VII–VIII – экспансия арабов сформировала облик обширных регионов Азии и Африки.

Впрочем, вероятно, и здесь об экспансии именно как о миграции носителей языка следует говорить осторожно. Экспансия была – политическая, религиозная, культурная. Но арабов из Аравии просто физически бы не хватило, чтобы стать преобладающим народом на пространстве от Гибралтара до Инда. В чём же причина того, что господствующим языком здесь стал арабский? Только ли влияние новой религии – ислама? Нет, не только. Язык Корана, как и сам Коран, распространились тут на этнически родственном субстрате. Сирийцам, ассирийцам, арамеям, финикийцам, пунийцам и другим семитским народам региона арабский язык был близок. Литературный язык был ими воспринят легко, а в разговорный арабский они внесли столько модификаций, что, по сути, он распался на несколько отдельных языков. То есть, в Северной Африке и Юго-Западной Азии существенных этнических изменений в начале Средневековья на самом деле не произошло. За пределами пространства, ещё в I тысячелетии до н.э. говорившего на семитских языках, компактная группа арабов до сего дня сохранилась только на востоке Ирана – в Хорасане.

А вот колонизация мусульманами берегов и островов Индийского океана, развернувшаяся с VIII века – действительно, конкретная инфильтрация носителей арабского языка в иную этнокультурную среду. Фактории арабских купцов постепенно возникли от Мозамбика до Гуанчжоу, от Коморских островов до Филиппин. Арабы первыми открыли и заселили Сейшельские острова. На Мадагаскаре они встретили представителей миграционной волны первых веков н.э., пришедших туда из Индонезии. Этнических арабских анклавов здесь почти нигде не сохранилось, но их культурное влияние было значительным. В Восточной Африке, Бирме, Малайе, Большом Зондском архипелаге, на Мальдивах, Филиппинах местные правители принимали ислам. И по сей день в этих землях широко распространена магометанская религия.

Параллельно эти же берега пытались освоить китайцы, в XIV столетии даже нанеся их на географические карты – самые точные в тогдашнем мире (европейцы таких составлять ещё не умели). В портах Юго-Восточной Азии китайские купцы с этого времени угнездились крепко, а в Сиаме возникла многочисленная китайская община, по сей день играющая ключевую роль в стране, ныне более известной как Таиланд. Но характерно, что и арабы, и китайцы шли вдоль берегов, ещё в I–IV вв. исследованных и частично заселённых индийцами, о чём свидетельствует, в частности, до сих пор сохранившийся индуизм на острове Бали.

Любопытно, что путь китайским и арабским мореходам при этом указывал компас, изобретённый, как обычно считают, в Китае в XI веке. Однако арабы оспаривают честь этого изобретения у китайцев и, возможно, они правы в том, что сделали его сами. Во всяком случае, арабы стали раньше китайцев применять его на морских судах, с XII века пересекая напрямую Аравийское море и Бенгальский залив, используя сезонные муссонные ветры. Но не исключено, что и это изобретение, подобно цифрам, ныне употребляемым во всём мире, было впервые сделано именно в Индии, в блестящую эпоху Гуптов (IV–V вв.), и вело ещё древнеиндийских мореходов, хотя это предположение пока не подтверждено.

Самые далёкие морские миграции раннего Средневековья совершали норманны – непосредственные предки нынешних шведов, датчан и норвежцев. Здесь сразу следует подчеркнуть исходное различие между викингами и массой норманнов. Викинги, как известно, носили рогатые шлемы. Выражение «наставить рога» идёт именно от древних германцев, и у них оно означало то же, что и у нас теперь. «Рогатые» викинги некогда были людьми, с позором изгнанными из своего племени. Они объединялись в бродячие шайки разбойников. Со временем «рогатость» утратила первоначальное значение, став символом воинственности и жестокости, присущей этой особой касте, а примыкать к ней стали вообще все недовольные и изгои.

Викинги с VIII в. бороздили Балтийское и Северное моря, высаживаясь на берега Европы, Британии, Ирландии, насилуя, грабя, сжигая. На своих ладьях они заходили даже в Средиземное море, а по рекам Европы поднимались до Парижа и Майнца. С течением времени характер экспедиций неизбежно менялся – от набегов викинги переходили к оседлости на захваченных землях. Викинги брали жён у местных, вожди викингов – конунги – основывали новые династии. Наиболее известными из их государств стали: с X века герцогство Нормандия на севере Франции и с XI века Неаполитанское королевство на юге Италии. В середине XI столетия нормандский герцог Вильгельм со своей дружиной завоевал Англию. Историки довольно долго объясняли возникновение Древне-Русского государства в конце IX века норманнским завоеванием, считая норманнами варягов. В наше время роли варягов не придают решающего значения в создании русской государственности, а самих варягов не сводят к одним лишь норманнам.

Со временем менялся и статус викингов среди норманнов. «Рогоносцы» стали использовать добычу для завоевания социального престижа у себя на родине, а их символ утратил прежний позорный смысл. Пиратские набеги викингов обогащали Скандинавию, превратившись в организованные военные экспедиции нарождающихся норманнских государств. «Военный набег, пиратство и мирная торговля подчас шли рука об руку, – пишет известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич. – Одни и те же викинги могли выступать то в роли грабителей и захватчиков, то в качестве мирных поселенцев и земледельцев». Экспансия викингов стала приобретать иные черты: переселение вместе с семьями с целью основания прочных колоний на новом месте.

Дольше всего колонии викингов должны были сохраниться там, где прежде не было туземного населения или оно стояло на очень низком уровне развития. В противном случае, как то произошло в Британии, Франции, Ирландии, на Руси, пришлые норманны должны были раствориться в местной среде. Зато с конца IX века начинается заселение норманнами Исландии, где их потомки живут до сих пор. В конце X века норманны основывают первые колонии в Гренландии. В начале XI века они закладывают поселения на территории современной Канады – на острове Ньюфаундленд и севере полуострова Лабрадор. Колонисты назвали открытую ими землю «Винланд» (Винная страна; в переносном смысле – изобильная страна). В 60-х гг. прошлого века там были открыты следы норманнских поселений, просуществовавших около двух столетий. В Гренландии колонии викингов продержались до XVI века. Нынешнее белое население самого большого в мире острова – потомки тех, кто прибыл туда уже в Новое время.

Ещё одна крупная средневековая миграция, не отражённая в письменных источниках, известная нам только по данным археологии и антропологии – заселение Новой Зеландии предками нынешнего народа маори, приплывшими с островов Полинезии. Оно происходило где-то в IX–XIII вв. Сами острова Тихого Океана были заселены, по большей части, ещё в древности выходцами, главным образом, из Юго-Восточной Азии.

Углубимся дальше в древность. Самыми знаменитыми тут являются греческая и финикийская колонизации берегов Средиземного моря. Греческая развёртывалась в VIII–VI вв. до н.э. Эллинские колонии возникли от Сагунта в Испании на западе до острова Кипр на востоке, а также по берегам Чёрного и Азовского морей.

Предшественником греческой была финикийская колонизация. С XVI в. до н.э. корабли отплывали на запад из портов древней Финикии (нынешнее побережье Ливана и Сирии). Уже в XIII столетии до н.э. предприимчивые финикийцы обследовали всё Средиземное море на запад до Мелькартовых (Геракловых) столбов (совр. Гибралтар) и вышли в Атлантику. Постепенно на берегах Средиземного моря возникли финикийские колонии, самой знаменитой из которых стал основанный в конце IX в. до н.э. Карфаген в современном Тунисе.

Карфагеняне (которых римляне называли пунийцами) создали в западной части Средиземноморья одну из великих держав древности, включавшую в себя Северо-Западную Африку,

Испанию (название, кстати, дано финикийцами и означает «Кроличий берег»), Сицилию, Сардинию, Корсику, Балеарские острова. Пунийский язык держался в Северной Африке долго после разрушения Карфагена римлянами во II в. до н.э., пока в VII в. его не вытеснил родственный ему арабский.

Финикийские мореходы, состоявшие на службе у египетского фараона XXVI (Саисской) династии Нехао II (609–595 гг. до н.э.), совершили первое известное плавание вокруг Африки – из Красного моря в Средиземное. Для «отца истории» Геродота, передавшего сведения о нём, казалось невероятным, что для этих мореплавателей солнце двигалось по небу справа налево. Во времена Геродота греки ещё не представляли себе Землю в виде шара. Но именно это сообщение как раз и служит доказательством того, что финикийские мореходы действительно пересекли экватор и побывали в Южном полушарии. Впрочем, некоторые современные историки оспаривают часть известия Геродота, относящуюся к национальности мореплавателей, указывая, что из других источников ничего не известно о финикийцах на службе у Нехао II, тогда как у него служило предостаточно греков. Но мыслимо ли, чтобы Геродот, сообщая о столь замечательном плавании, ничего не знал о том, что его совершили его соотечественники?!

На дальних берегах Африки финикийцы не закрепились, но на атлантическом побережье Северо-Западной Африки основали ряд колоний. К VI в. до н.э. пунийские фактории достигли юга нынешнего Марокко. Около 470 г. до н.э. из Карфагена вышла крупная экспедиция, везшая многочисленные семьи будущих колонистов, во главе с Ханноном. По поводу путевого отчёта Ханнона, дошедшего до нас в позднейшем греческом пересказе, до сих пор идут учёные споры – как следует идентифицировать названные в нём географические объекты на западном побережье Африки. По словам самого Ханнона, самая южная колония, основанная пунийцами, располагалась на острове Керна, расстояние до которого от Гибралтара равно расстоянию от Гибралтара до Карфагена в другую сторону.

Многие восточные цари древности переселяли целые покорённые ими народы в другие области своих империй. Самым знаменитым из этих переселений, благодаря Библии, оказалось «вавилонское пленение» иудеев в VI в. до н.э., из которого их вывел другой завоеватель – персидский царь Кир II. А вот завоевание армией Александра Македонского стран Востока в IV в. до н.э. не привело к колонизации этих стран греками. Вернее, эллинов-то, судя по всему, выселилось много. Миграция была, по-видимому, одной из самых крупных в античном мире. Но на бескрайних азиатских просторах колонисты как-то довольно быстро затерялись среди местного населения. Впрочем, с этим и предыдущим переселением связаны некоторые загадки, о которых мы расскажем в своём месте.

Где-то во II тысячелетии до н.э. в Индию откуда-то с севера вторглись племена ариев, положившие начало большинству народов современной Индии (кроме крайнего юга) и оказавшие огромное влияние на всё её дальнейшее развитие. Долгое время учёные считали, что вторжение ариев обратило в прах и пепел прежде цветущие города Хараппской цивилизации долины Инда. Археологи обнаружили убедительные доказательства, что Хараппская цивилизация пришла в упадок по неизвестным нам пока причинам задолго до миграции ариев в Индию. Но вопрос о том, откуда арии пришли, остаётся одним из наиболее дискуссионных в исторической науке. Он соединяется с более общим вопросом – о прародине всех индоевропейских народов.

Миграция древних индоевропейских народов – одна из самых известных и, в то же время, наименее известных науке. О ней можно достоверно сказать, пожалуй, лишь одно: она была! Можно приблизительно указать время появления первых индоевропейцев на той или иной территории, но и то – не всегда. Вот, пожалуй, и всё. Реконструкции прародины и миграций индоевропейцев целиком относятся к области гипотез. В одной из глав мы коснёмся этой волнующей загадки древности.

Впрочем, говоря о проблемах поиска прародины того или иного народа, следует сразу сделать существенное пояснение. Сравнивая этническую ситуацию на современном Востоке с такой же во времена Александра Македонского или древних деспотий, отмечая многочисленные факты миграции по типу инфильтраций, следует признать: **этническая пестрота любой территории – это, в истории, правило, тогда как этнически однородная территория – редкое исключение**. Более того, чем дальше вглубь веков, тем чересполосица народов более характерна. Это и понятно: когда, выражаясь научно, избыток населения ещё не давил на производительные силы, или, проще говоря, земли было много, а людей мало, тогда возможностей для свободных миграций у народов было куда больше.

По-видимому, и этнически гомогенные прародины народов существуют только в умах некоторых кабинетных учёных, в действительности же таковых прародин никогда не было. Выдающийся русский лингвист академик О.Н. Трубачёв, в связи с вопросом о прародине славян, пишет: «Необходимо считаться с подвижностью праславянского ареала, с возможностью не только расширения, но и сокращения его, вообще – с фактом **сосуществования** разных этносов даже внутри этого ареала, как и в целом – со **смешанным** характером заселения древней Европы, далее – с неустойчивостью этнических границ и **проницаемостью** праславянской территории» [выделено автором цитаты]. Нет оснований считать древних славян каким-то исключительным народом, так что, очевидно, указанное правило верно для любых этнических прародин вообще.

Хараппскую цивилизацию древней Индии долго считали созданной мигрантами из древнего Междуречья (Ирака) в начале III тысячелетия до н.э. Сейчас несомненно, что она имела местное происхождение. Но столь же несомненны её интенсивные торговые и культурные связи с древним Междуречьем. Были они прямыми или осуществлялись через посредников? Тур Хейердал, в 1978 году совершивший во главе большого международного экипажа плавание вдоль берегов Персидского залива и Аравийского моря на тростниковой лодке «Тигрис», показал, что были возможны и непосредственные контакты всех древнейших цивилизаций Ближнего и Среднего Востока. То есть, не исключаются и элементы миграции. Более подробному изложению этой проблемы мы посвятим отдельную главу.

Наконец, нам надо упомянуть ещё и о крупнейших миграциях доисторического времени, очевидность которых не вызывает сомнений. Человек современного вида (*Homo sapiens*), появившись в каком-то ограниченном ареале в Восточной Африке, расселился по всей планете. Пути миграций доисторического человека – особая тема, которой мы тоже коснёмся на страницах книги. *Homo sapiens* заселил вначале Старый Свет. В какой-то период он пересёк пролив, даже в периоды самого низкого уровня мирового океана всегда отделявший массив суши Больших Зондских островов от континента Сахул (нынешние Австралия и Новая Гвинея). В Америку из Азии человек проник, вероятнее всего, по существовавшему там ещё 10 тыс. лет назад сухопутному мосту (Берингия). Датировки всех этих процессов тоже представляют собой одну из самых сложных загадок, поэтому мы их пока не приводим.

Итак, миграции, более-менее известные из истории, мы вкратце обозрели. Даже такого беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть: все они довольно легко переходят из области известного в область тайн и теорий. Каждый известный факт так или иначе граничит с множеством неизвестных. Теперь нам остаётся углубиться в эту страну загадок.

С которой начать? Трудно придерживаться целиком ретроспективного, последовательно хронологического или географического принципа. Поэтому постараемся связать тайны древних миграций в некую цепь через смежные факты. А начнём с вопроса, наиболее, пожалуй, близкого большинству читателей этой книги – с вопроса о миграции славян на Русскую равнину.

5. «Откуда есть пошла земля Русская?»

Этим вопросом задался киево-печерский мних Нестор, составитель «Повести временных лет» (ПВЛ), первой подробной хроники Древне-Русского государства, в начале XII века. Но бесспорного ответа на него нет до сих пор.

Проблема происхождения народа, давшего название Русскому государству, соединяется с проблемой прародины славян и путей их расселения в Восточной Европе. Долгое время в науке господствовало мнение, что исходно русы, варяги и норманны были одним и тем же народом. Но также всегда, начиная с Ломоносова, были те, кто аргументировано оспаривал эту точку зрения, выдвигал альтернативные гипотезы. Хотя нерешённых вопросов здесь по-прежнему непочатый край, но определённо можно сказать: русы, варяги и норманны – не одно и то же, хотя частично эти понятия могли совпадать. Дело в том, что далеко не всегда это были чёткие этнонимы в привычном нам смысле.

Больше ста лет назад В.О. Ключевский писал о расселении славян по Восточно-Европейской равнине с Карпат в VI–VII вв. Но для многих исследователей уже тогда было очевидным, что не мог народ за какие-то два столетия расселиться из узкого очага по огромной территории. И упомянутый выше Л. Нидерле придерживался версии о более раннем расселении славян к северу и востоку от Карпат и об их проникновении к югу от Карпат ещё в античности. В наше время имеются три версии размещения славянской прародины, сформулированные ещё в XIX веке: 1) дунайская, 2) висло-одерская, 3) днепровская. Трубочёв соединил первую и третью. По нему выходит, что первоначально славянская общность формировалась на Среднем Дунае, в Паннонии (ныне – Венгрия, Словакия, Хорватия и Словения) в III–II тысячелетиях до н.э. Но уже в середине I тысячелетия до н.э. часть славян проникла в среднее течение Днепра, где позднее выделилась восточная ветвь славян. Академик Б.А. Рыбаков использовал эту гипотезу и доказывал, что часть скифов, упоминаемых Геродотом («скифы-земледельцы»), на самом деле была славянами.

Несомненный факт, что уже в первые века нашей эры славяне (известные в то время античным авторам под именем венедов, хотя, возможно, так называли только часть славян, другие же части были известны под иными именами) расселялись на широкой территории к северу от Карпат. Решительно невозможно критически пересказать здесь все имеющиеся гипотезы расселения славян. Но нужно дать какую-то картину этого процесса. Поэтому дальше мы воспользуемся концепцией известного русского археолога академика В.В. Седова. Он придерживается висло-одерской привязки славянской прародины, но для реконструкции путей славянской миграции по Русской равнине отличия этой теории от двух других представляются несущественными. Его точка зрения, как считает автор, убедительнее прочих объясняет происхождение названия Русь.

В своих главных чертах концепция академика Седова не противоречит построениям других авторитетных историков. Она не перечёркивает, а развивает прежние достижения науки. В этом – основа для доверия ей со стороны тех, кому сложно разобраться во всех тонкостях научной аргументации, но кто в целом знаком с предметом.

Реконструкция Седовым раннего этапа славянской истории до нашей эры носит весьма гипотетический характер. Для более позднего времени сведения становятся более определёнными.

Положение славян в этот период Седов представляет так:

«В первые века нашей эры славяне заселяли части территорий двух археологических культур: пшеворской, занимающей средневропейские земли от Эльбы до Западного Буга и верховьев Днестра, и черняховской, распространившейся в Северном Причерноморье от ниж-

него Дуная на западе до Северского Донца на востоке. Эти культуры были крупными полиэтническими образованиями провинциально-римского облика ... На территории черняховской культуры ... сложился славяно-иранский симбиоз; в результате на Подолши и в Среднем Поднепровье обособилось отдельное диалектно-племенное образование славян, известное в исторических источниках как анты».

Нашествие гуннов взорвало стабильность ситуации, привело к гибели прежних культур и спровоцировало новый, более сильный виток ВПН. В конце IV в. исчезает черняховская культура, последние памятники пшеворской культуры относятся к началу V в. Этнополитические изменения наложились на начавшееся похолодание климата, которое в свою очередь усилило миграции. Были вынуждены сдвинуться с насиженных мест и славяне.

«В эпоху средневековья славяне вступили далеко не монолитной массой. Территориально они оказались разбросанными на широкой территории Средней и Восточной Европы. Связи между отдельными регионами нередко отсутствовали. Историческая ситуация в каждом из них была своеобразной, в ряде мест более или менее крупные группы славян расселились среди иноэтнических аборигенов. В результате в V–VII вв. сложилось несколько различных славянских культур, фиксируемых современной археологией».

Здесь следует высказать некоторое сомнение в доводах Седова о том, что только ВПН стронуло славян с места. Очевидно, колонизационное движение славян по Русской равнине началось раньше. Впрочем, учёный не исключает, например, что ещё на заре нашей эры славяне ассимилировали балтское и прочее иноязычное население некоторых известных культур Восточной Европы (например, зарубинецкой).

В том, что расселение славян и до IV в. н.э. было шире, чем обычно представляют, нас убеждает появление в V–VI вв. славянских культур на очень большом удалении от исторической прародины славян, где бы она ни находилась. Одна переселенческая волна славян в IV в. докатилась аж до Среднего Поволжья, где на землях нынешнего Татарстана и сопредельных регионов создала именьковскую культуру, просуществовавшую более трёх столетий. Отдельные группы славян, сохранившись от ассимиляции, вошли позднее в состав Волжской Булгарии (IX–X вв.), как о том свидетельствуют арабские путешественники, перечисляя этнические группы этого государства. Они же называют Волгу (Итиль) «рекой славян».

В конце IV–V вв. в результате миграций формируется северная ветвь славянства, изолированная от основного массива славян. Не вполне известно точно, откуда шёл этот переселенческий поток. Одни исследователи полагают, что основной путь направлялся с берегов Балтики по Западной Двине, другие – что с юга. Седов, основываясь на концентрации в Прибалтике артефактов провинциально-римского типа, характерных для пшеворской культуры, считает доказанным первый путь.

Таким образом, славянские переселенцы ознакомили балтских и финно-угорских «аборигенов» с культурой, непосредственно соприкасавшейся с великой культурой Древнего Рима. В верховьях Западной Двины и Днепра сложилась тушемлинская культура славян, на будущих новгородско-псковских землях – т.н. культура длинных курганов, на Верхней Волге – культура, которую долго связывали с финно-угорским народом *меря*. На последнем следует остановиться особо, так как до сих пор часто можно встретить с утверждением, будто на территории Москвы ко времени её основания обитали в основном финно-угорские племена.

Первые славяне приходят в будущую Ростово-Суздальскую землю в V в. Их появление надёжно маркируется многочисленными находками височных колец определённого типа, что считается однозначным признаком древнеславянского населения. Их племенное название не зафиксировано никакими письменными источниками и, скорее всего, в процессе взаимной ассимиляции они заимствовали местный этноним. Важно то, что *меря*, которая называется летописью в числе первых племён Древнерусского государства, в то время (IX в.) была уже славянской по преимуществу.

Вот как в представлении Седова происходил этот процесс:

«Славяне ..., осевшие в середине I тыс. н.э. в западных районах Волго-Окского междуречья и в междуречье Волги и Клязьмы, в течение нескольких столетий ассимилировали проживавшие здесь балтские и финноязычные племена и стали ядром-основой древнерусского населения Северо-Восточной Руси ... В условиях продолжительного славяно-мерянского симбиоза этноним местного поволжско-финского племени – меря, по всей вероятности, распространился, как это нередко было в древней истории, на всё население междуречья Волги и Клязьмы, и в период становления Древнерусского государства все жители Ростовского края назывались мерей».

Изложенная гипотеза находит подтверждение в данных антропологии. Согласно В.П. Алексееву, на которого ссылается Седов, современное (точнее, начала XX в.) население Северо-Восточной Руси не похоже на тех, чьи останки покоятся в длинных курганах – захоронениях первых славянских поселенцев на этой земле. Этому есть объяснение, если предположить, что позднейший великорус Владимирской и Ярославской губерний – результат шедшего столетиями взаимного смешивания угро-финской (поначалу) *мери* и славянских колонистов.

Основная часть славян Русской равнины в это время располагалась на юге. С ними были связаны пеньковская и пражско-корчакская культуры. Первая возникла на части разрушенной черняховской культуры и протянулась в лесостепной полосе от Днестра до Северского Донца. С нею связывается народ *анты*, знаменитый по раннесредневековым источникам. Вторая тянулась от Днепра до верхней Эльбы. В её восточной части, на территории нынешней Северо-Западной Украины, сформировалась этническая общность *дулебов*, известная по нашим летописям. Она, по мнению Седова, в дальнейшем дала начало племенам *полян, древлян, вольнян* и *дреговичей*.

В конце VII в. на левобережье Днепра пеньковская культура и сложившаяся несколько севернее её колочинская культура сменяются под напором пришлого населения. В результате симбиоза туземных и пришлых элементов возникает волынцевская культура, существующая весь VIII в. На рубеже VIII–IX вв. она переходит в роменско-боршевскую культуру.

Откуда взялись пришельцы, создавшие волынцевскую культуру? По мнению Седова, памятники материальной культуры, тип поселений, самый характер экономики волынцевской культуры полностью идентичны таковым именьковской культуры, о которой говорилось выше. Той самой, которую создали славянские переселенцы на Волге ещё в IV в. Теперь, спустя столетия, их потомки возвратились на прежнюю историческую родину, не потерявшись, не растворившись за это время в среде иноплеменников.

«Установлено, что в конце VII в. основная масса именьковских поселений (а их археологам известно более 600) и могильников прекращают функционировать. Раскопки их показывают, что селения не были разгромлены или сожжены. Они были оставлены именьковским населением. В силу каких-то обстоятельств обширные плодородные земли Среднего Поволжья оказались опустошёнными. Земледельцы этого региона вынуждены были искать новые территории для своего расселения.

Именно в конце VII в. в Днепро-Донском междуречье археологически документируется появление крупных масс нового населения, которое создаёт волынцевскую культуру, безусловно продолжившую традиции именьковской».

Реэмигранты принесли с собой архаический, мало изменившийся за столетия жизни в изоляции, славянский диалект, о чём свидетельствуют многочисленные названия рек и речек данной местности.

Ареал волынцевской, сложившихся на её основе роменско-боршевской и родственных ей культур IX в. охватывал земли от Среднего Днепра на юго-западе до Верхней и Средней Оки на северо-востоке, от Сожа и Угры на северо-западе до верхних течений Дона и Северского Донца включительно на юго-востоке.

Именно эту территорию (включавшую нынешние Киевскую, Черниговскую, Сумскую области Украины, Брянскую, Курскую, Орловскую, Калужскую, Тульскую области РФ) Седов считает местом окончательного формирования славянского народа *Русь*, в VIII–IX вв. создавшего государственность своего имени. Характерно, что вплоть до начала XIII века в русских летописях название «Русская земля» применяли только к этой территории, а не ко всей земле, заселённой русскими.

Безусловно, *Русь* первоначально – не славянское имя. Как и многие другие названия славянских племён, оно восходит ко временам черняховской культуры (предположим от себя – а, быть может, и раньше) – временам тесного сожительства славянских и иранских племён, или славяно-иранского симбиоза, по Седову.

«Подобно некоторым другим славянским племенным названиям (сербы, хорваты, анты и др.), русь, согласно выводам исследователей, ославяненный, первоначально неславянский этноним. Он восходит или к иранской основе “свет, белый, блестеть”, или, как и обширная однокорневая топонимическая номенклатура Северного Причерноморья, произведён от местной индоарийской основы “светлый, белый”».

Именно столь древним происхождением этнонима *русь* объясняется его появление в Центральной Европе. Здесь мы немного отойдём от истории возникновения Древне-Русского государства, чтобы уделить внимание этому вопросу.

«Географические названия, содержащие в своей основе этноним русь, фиксируются разрозненно в Нижней и Верхней Австрии, в Штирии, окрестностях Зальцбурга и Регенсбурга. В Раффельштеттенском таможенном уставе, датированном 904/906 г., ... названы две славянские племенные группы – богемы и руги».

В западных источниках той поры русов всегда называли ругами, поэтому идентификация этноса не вызывает сомнений. Вопрос: откуда они взялись? Седов считает, что это та часть русов, которая оторвалась от основного антского массива в результате гунно-аварских миграций IV–VI вв. Некоторые исследователи находят этот этноним и в старом названии провинции на востоке Австрии – Ругенланд (ныне переименованном в Бургенланд).

Кстати, Седов, на основании археологических данных, отмечает для VIII–IX вв. интенсивную миграцию славян из Среднего Подунавья на Русскую равнину. Памятники материальной культуры дунайских славян этого времени находят по всей восточно-славянской территории, в том числе и на землях волынцевской и роменско-боршевской культур. Пойдём немного дальше исследователя и предположим, что часть этих переселенцев носила этноним *русь*...

А каково было племенное название носителей именьковской культуры? Нам это неизвестно. Однако население культуры, созданной ими после возвращения в Поднепровье и Подонье, называет себя *русами*! Не правда ли, любопытное совпадение? А если мы вспомним, что часть «*именьковцев*» осталась на месте, в Поволжье, очень медленно ассимилируясь, и ещё в XIII в. русские летописи называют какую-то «Русь Мордовскую», т.е. живущую изолированно среди мордвы... А откуда взялся известный арабам X в. «остров русов», который многие исследователи локализуют где-то в низовьях Волги?...

Интересная тогда получается ситуация! Рассеянный в результате иноплеменного нашествия народ *русов* столетия спустя начинает собираться на прежней исторической родине. Причём, как в случае с «*именьковцами*», это происходит без всяких видимых нам причин. Реэмигранты из Поволжья и Подунавья не встречают препятствий. Как будто кто-то властной рукой расчищает им дорогу... Так начинается древнерусская государственность.

По западным и арабским (меньше – византийским) письменным источникам известен Русский каганат – сильное государство, соперник Хазарии, господствовавшей в степях юга России. Арабы часто говорят о «хакане русов» – русском кагане. О том, что русы того времени были славянами, свидетельствуют арабские источники. «Что касается русских купцов – а они вид славян ...», – указывает ибн Хордадбех (ок. 847 г.). Ибн ал-Факих (примерно то же время)

там, где ибн Хордадбех говорит о русах, пишет о славянах (*ас-сакалиба*). Как свидетельствует около 851-852 гг. ал-Йа'куби, вожди кавказского племени ценаров обратились за помощью против арабов к императору ромеев (т.е. Византии), хазарскому кагану и «сахиб ас-сакалиба», т.е. владыке славян. Каким могло быть в то время восточно-славянское политическое образование, стоявшее вровень с Хазарией и Византией? Других кандидатов, кроме Русского каганата, на эту роль не находится.

Принятие владыкой *русов*-славян титула «каган» сигнализировало соседям о полной независимости первого известного в истории Русского государства.

«Определить, где была столица Русского каганата, пока не представляется возможным. Не исключено, что таковая в этом зарождающемся государстве ещё не сформировалась, подобно тому, как не было столицы в раннем Франкском государстве, где резиденции властителей были разбросаны по его территории. Но если единый административный центр в Русском каганате всё же имелся, то он мог быть только в Киеве».

Самое главное, что народ *русь* сформировался и вошёл в историю на той территории, которая и поныне является ядровой для великорусского и малорусского этносов. Таким образом, **русы не были пришлой дружиной, «варягами». Это было славянское племя, сформировавшееся за несколько веков до образования Русского государства в сердце великой равнины, унаследовавшей его имя.**

Русский каганат полностью исчезает где-то в середине IX в. *«Согласно русским летописям, накануне образования Киевской Руси поляне, северяне и вятичи платили дань хазарам, а под 885 г. говорится и о взимании хазарами дани и с радимичей. Когда были установлены эти даннические отношения, сказать затруднительно. Возможно, такая ситуация сложилась в 60-70-х годах IX в. Под натиском хазар Русский каганат как единое государственное образование, объединявшее земли полян, северян, вятичей и донских славян, может быть, тогда перестал существовать».*

Но торжество Хазарии было недолгим. Русь взяла реванш. Спустя столетие русский правитель Святослав, чьи потомки вновь гордо возложили на себя титул каганов (и официально назывались ими до сыновей Ярослава Мудрого в XI в. включительно), уничтожил Хазарию.

И, наконец, последнее. Русская равнина заселялась двумя потоками древнеславянской колонизации – с юга, из бассейна Днепра, и с севера, с берегов Балтики. Это подтверждено данными археологии, лингвистики и антропологии. Ветвь восточного славянства возникла не в ходе распада изначальной славянской общности, а сформировалась уже на Русской равнине вследствие смешения двух славянских миграционных потоков, положившего начало древнерусской народности. А встретились эти два потока там, где спустя несколько веков русская государственность стала возрождаться после монгольского нашествия – в районе возникшей в XII веке Москвы.

6. В глубинах Центральной Азии

Гунны, авары, болгары, хазары, венгры, печенеги, половцы – вот лишь неполный перечень народов, во времена ВПН приходивших в Европу из глубин Центральной Азии. Механическое отождествление народов, издревле кочевавших по Великой Степи, с мигрантами из Центральной Азии времён Чингисхана, то есть с монголами и калмыками, ещё в начале XX века побудило поэта Александра Блока написать свои знаменитые строки:

*... Да, скифы мы, да, азиаты мы,
С раскосыми и жадными очами ...*

Но уже во времена Блока учёным было известно, что скифы были народом иранским по языку и европеоидным по облику. Так что суждение поэта о скифах было с научной точки зрения анахронизмом или обывательским заблуждением.

С течением времени становилось всё более ясно, что и многие народы Великой Степи из приведённого выше списка были в своей преобладающей части тоже европеоидными. И только среди завоевателей XIII века, пришедших с ордами Чингисхана и Батая, монголоидный элемент явно возобладал.

Кажется странным, что ВПН привычно рассматривается как одностороннее движение с востока на запад, из Азии в Европу. Но ведь наверняка было и движение в обратную сторону! Мы уже видели это на частном примере создателей именьковской культуры в Среднем Поволжье IV–VII вв., двинувшихся в ходе ВПН как раз с запада на восток. Наверняка этот случай не единичный.

Логично, что ВПН казалось европейцам постоянным наплывом людских волн с востока. Но этот же процесс китайцам, например, представлялся таким же нашествием мигрантов с запада. Однако основываясь на этом китайском впечатлении нельзя делать вывод, что ВПН исходило только из Европы и направлялось всегда в Азию! Но точно также нельзя судить и о том, что оно всегда шло лишь из Азии в Европу. Очевидно, в течение тысячелетий по Великой Степи перемещались, в том числе и на далёкие расстояния, в самых разных направлениях самые различные народы.

Одна из волн ВПН в IV–VI вв. захлестнула Северную Индию. Пришедший тогда кочевой народ известен в источниках под именами белых гуннов или эфталитов. Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский пишет, что эфталиты отличаются от других гуннов более светлым цветом кожи и относительно оседлым образом жизни. Это дало основание ряду историков считать эфталитов народом индоевропейским, скорее всего иранским, родственным скифам или сарматам, жившим в Великой Степи в античную эпоху.

Однако нет причин на основании лишь «белого цвета кожи» заранее отказывать эфталитам и в тюркском происхождении. Лев Гумилёв в своих многочисленных трудах приводит немало свидетельств в пользу того, что многие тюркские народы Раннего Средневековья относились к европеоидной расе.

В последние столетия деление человечества по языкам явно не совпадает с делением по расам. Это следствие интенсивных миграционных процессов. Так, носителями языков индоевропейской семьи являются ныне представители всех больших человеческих рас. Но ведь миграции были присущи людям искони. Поэтому нет оснований считать, что в глубокой древности лингвистические границы совпадали с антропологическими. Возможно, что когда-то изначально носители одного языка представляли собой одну расовую группу. Но как давно это было? На этот вопрос нельзя ответить даже приблизительно. А потому ни для какого исторического периода нет оснований отождествлять языковое деление с расовым, если фактами такое тождество не доказано.

Поэтому-то и нет ничего удивительного в том, что носители тюркских языков в самом начале своей истории, известной по письменным источникам, выступают в ином облике, чем мы ныне привыкли их видеть. Впрочем, это может касаться любой языковой семьи на планете вообще. Данную возможность всегда следует учитывать.

Итак, в I тысячелетии нашей эры европеоидное население наряду с монголоидным было широко представлено в глубинах Центральной Азии. Когда оно там появилось?

В 751 году в долине Таласа на границе современных Казахстана и Киргизии произошло крупное сражение войск арабского халифа и китайского императора – ключевая битва одной из глобальных войн прошлого. Среди китайских солдат, по сообщениям арабских источников, было немало воинов белого цвета кожи. Арабы, сообщившие это, а потом и воспринявшие их известие европейцы, сочли белых китайцев потомками воинов Александра Македонского. Такое объяснение вполне удовлетворяло средневековому научному мышлению.

То, что мы сегодня знаем и об Александре Македонском, и о центрально-азиатских европеоидах, позволяет нам не прибегать к столь вычурной, хотя и романтической гипотезе. Очевидно, что белые народы следует отнести к древнейшим обитателям Центральной Азии. И дожили они почти до прихода в этот регион русских.

В начале XIX века казахский просветитель Чокан Валиханов отметил наличие среди казахов (киргиз-кайсаков, как их тогда называли), делившихся на две большие этнографические группы – «бурутов» и «усуней», третьей, промежуточной группы – «сары-усуней» (рыжих усуней). Их отличительной особенностью, выраженной в названии, было присутствие среди них светловолосых людей, считавших себя потомками некоего большого народа. В середине XIX века о русских киргиз-кайсаках упоминал выдающийся русский путешественник П.П. Семёнов-Тянь-Шаньский. В конце XIX столетия другой замечательный российский исследователь Г.Е. Грумм-Гржимайло, совершивший немало путешествий в Центральную Азию, уже не застал светловолосых туземцев. Но собранные им материалы свидетельствовали об их присутствии там ещё совсем недавно. Европеоидные черты встречаются у многих обитателей глубин Центральной Азии, особенно среди уйгуров, тангутов и некоторых др.

Грумм-Гржимайло, сопоставив материалы собственных наблюдений и свидетельства исторических хроник, пришёл к выводу, что народ *динлин* или *ди* китайских летописей, отмеченный ещё в III тысячелетии до н.э., был европеоидным, родственным «индоевропейской расе», наличие которой в древности учёные сто лет назад считали несомненным. Это был не один народ, а целая группа народов, объединяемых схожими антропологическими признаками (голубые или зелёные глаза, белокурые или рыжие волосы, по Грумм-Гржимайло). К *динлин*, по мнению исследователя, в более позднее время относились енисейские кыргызы (III в. до н.э. – XIII в. н.э.), а также живущие и поныне в низовьях Енисея *кеты*. Все они, конечно, чем дальше, тем больше смешивались с соседними монголоидными народами.

Материалы Грумм-Гржимайло послужили для Л.Н. Гумилёва одной из основ реконструкций этнической истории Евразии. Но Гумилёв решительно отверг предположение Грумм-Гржимайло о родстве *динлин* с северными европеоидами. Он отверг и мнение о европеоидных корнях енисейских *кетов*. Гумилёв обратил также внимание на различие между *динлин* и *ди* в китайских источниках. Первые исчезли из поля зрения китайцев во II в. н.э., вторые появились в IV в. Китайцы иногда называли *ди* по старой памяти *динлин*, но никогда наоборот. *Динлин* жили в Южной Сибири, *ди* населяли Северо-Западный Китай. Енисейские кыргызы, создавшие в IX в. мощное государство, принадлежали к первым, ранние уйгуры, тангуты (создатели государства X–XII вв.), а также знакомые нам усунь – ко вторым.

Между *ди* и *динлин* существовало известное расовое сходство, что и позволило китайцам со временем назвать их одинаково. При этом оба народа, как пишет Гумилёв, «так относятся к североευропейской расе, как семиты Аравии или туареги (хамиты) Сахары, которые также, несомненно, принадлежат к белой расе, но отнюдь не к скандинавскому типу». Это, разуме-

ется, означает не родство обоих с указанными южными ветвями европеоидной расы, а лишь их значительные отличия от европейцев. «Когда же *динлины* встретились с русыми арийцами, а это случилось в 1056 г. около г. Киева, то эти последние, несмотря на внешнее сходство, восприняли появление кипчаков как приход совершенно чуждых иноплеменников, а в то же время не только рыжих скандинавов, но и черноволосых греков русские считали народом, к себе близким, – писал Гумилёв. – ... Современникам и в голову не приходило считать половцев народом, родственным европейцам. Надо полагать, что наряду со сходством азиатской и европейской белокурых рас существовали и различия, достаточно глубокие для того, чтобы эти расы не смешивать».

Ссылаясь на советского антрополога Г.Ф. Дебеца, Гумилёв утверждал, что антропологический тип *динлинов* – протоевропеоидный, родственный кроманьонскому, т.е. древнейшей известной популяции *Homo sapiens* в Европе. «Тип этот уходит в глубокую древность, предшествуя по времени формированию арийского языкового единства». Что же касается *ди*, то Гумилёв, вслед за Грумм-Гржимайло, считал его расово близким другому загадочному древнему народу – *айнам*, некогда населявшим Японию, но ныне почти исчезнувшим.

Итак, Гумилёв объяснял присутствие белых народов в Центральной Азии в историческое время их давним обитанием на данной территории. Это была ветвь белой расы, отколовшаяся от основного ствола ещё в доисторическую эпоху. Однако в свете того, что мы знаем теперь, нет необходимости сбрасывать со счетов и остальные версии. Все они не исключают, а дополняют друг друга.

Таким образом, имеются три главных объяснения наличия европеоидной расы в Центральной Азии в древности.

1. Теория Гумилёва, доказывающая появление белых людей в Центральной Азии на заре истории человечества. Она относит белых к исконным обитателям глубин Азии, наряду с монголоидной расой. Белые европейцы и белые азиаты разошлись ещё в верхнем палеолите (40–10 тыс. лет назад) и в дальнейшем развивались параллельно.

Загадочные «белые люди» доисторических и раннеисторических времён ещё не раз появятся на страницах нашей книги под различными широтами. Многие факты из истории человечества кажется трудным объяснить без привлечения гипотезы о широких миграциях представителей белой расы в глубокой древности. Однако гипотеза Гумилёва как бы изолирует европейскую и азиатскую ветви белой расы друг от друга. Между тем, контакты между ними, как в историческое, так и в доисторическое время не могли не существовать.

2. В наше время считается доказанным приход на земли нынешнего Синьцзяна (Северо-Западного Китая) где-то в I тысячелетии до н.э. тохаров – впоследствии исчезнувшего народа индоевропейского корня. Вероятно, они жили там и раньше. Многие исследователи связывают с тохарами знаменитые «таримские мумии», найденные в прошлом веке в различных местах Синьцзяна. Наиболее известна из них т.н. «лоуланьская красавица» – мумифицированный труп высокой светловолосой женщины, найденный в 1980 г. в окрестностях Урумчи и относимый ко времени примерно за 1800 лет до н.э.

Совершенно естественно, что многие известия о белом населении по соседству с древним Китаем могут быть отнесены к *тохарам* – одной из ветвей миграции индоевропейцев (арийцев, как повсеместно называли их ещё в начале XX века).

Знаменитая «укокская принцесса», обнаруженная у нас на Алтае в 1993 г., относится к более позднему времени, чем «лоуланьская красавица» – V–III вв. до н.э. Факт мумификации в обоих случаях ещё не позволяет сделать вывод о родстве народов, которым принадлежали оба захоронения, тем более, что технологии мумификации и типы захоронений различаются. «Укокская принцесса», скорее, принадлежит к южносибирским *динлин* китайских летописей, т.е. к первой группе. Но контакты между двумя общностями, вероятно, существовали.

3. Наряду с крупными передвижениями народов по Великой Степи с востока на запад в историческое время не могло не быть миграций и в обратном направлении – с запада на восток. Кроме тохаров, как в более ранние периоды, так и позднее, в Центральную Азию из Восточной Европы проникали и другие группы европеоидного населения. В этом контексте актуальное звучание принимает и гипотеза о «потомках воинов Александра Македонского», если, конечно, трактовать её не так буквально.

...В горах Гиндукуша на северо-востоке Афганистана живут светловолосые и голубоглазые *дарды* и *нуристанцы*, которых традиция также связывала с потомками греков и македонян. Конечно, они жили здесь задолго до прихода армии Александра Македонского. Но нет дыма без огня, и потомки эллинских завоевателей тоже внесли свою лепту в формирование современного населения Срединной Азии.

В древней Бактрии (совр. Афганистан) и в верхней части долины Инда располагались самые восточные государства, образовавшиеся в процессе распада империи Селевкидов – крупнейшей державы, созданной преемниками Александра Македонского. В середине III в. до н.э. Диодот основал царство, которое историки называют Греко-Бактрийским. Наследники Диодота неоднократно воевали с государствами Индии. В середине II в. до н.э. войско царя Менандра дошло до современной Бенгалии. В результате этих походов возникли царства, называемые Греко-Индийскими. В течение I в. до н.э. – I в. н.э. они были постепенно подчинены возвысившимся народом *кушан*, в котором историки видят или уже знакомых нам *тохаров*, или один из иранских народов.

Культура Греко-Бактрийских и Греко-Индийских царств представляла собой замечательное сочетание местных и эллинских элементов. Влияние эллинской цивилизации было весьма значительным. Ярким свидетельством тому служит детально исследованный французскими и русскими археологами в 1960-70-е гг. древний город на севере Афганистана, ныне называемый Ай-Ханум. В городе (предположительно, это одна из многочисленных Селевкий) были обнаружены руины дворца с колоннами коринфского ордера, гимназия, театра и других типичных древнегреческих сооружений... Начавшаяся в конце прошлого века в Афганистане гражданская война прервала исследования и нанесла непоправимый ущерб памятнику культуры, до тех пор нетронутому в течение двух с лишним тысяч лет...

Вполне возможно, что и до Александра Македонского греки могли проникать далеко на восток. Персы, в VI в. до н.э. покорившие колонизованные греками берега Малой Азии (Ионию), переселяли и перемешивали народы своей империи. В 493 г. до н.э. персы подавили крупное восстание ионийских городов. Часть их жителей была выселена в другие области Персидской державы Ахеменидов. Одним из мест депортации греков стали окрестности Вавилона. Не исключено, что отдельные группы ионийских греков могли проживать и в других, более восточных регионах империи Ахеменидов. В V–IV вв. до н.э. на службе у персидских царей и их сатрапов часто находились греческие военачальники и даже целые наёмные дружины греков. Так что эллины прокладывали пути на восток задолго до походов Александра Македонского.

Но, разумеется, дарды и нуристанцы – потомки гораздо более ранних пришельцев. Долго тех и других считали одним народом, делящимся лишь по религиозному признаку. Дарды исповедуют главным образом ислам суннитского толка, хотя есть среди них и сторонники других верований. Нуристанцев вплоть до конца XIX века звали кафирами – язычниками. Они сохраняли не только древние доисламские верования, но и политическую независимость. В 1896-1897 гг. просвещённый и европеизированный афганский эмир Абдурахман, проводя политику государственной централизации, решил подчинить кафиров, а заодно и обратить их в «истинную веру». Проведя успешную военную кампанию, он объявил кафиров мусульманами и повелел впредь именовать их страну Нуристан – «страна света». В конце XX века нуристанцы

подверглись ещё одному геноциду – на сей раз со стороны талибов, временно захвативших власть в Афганистане...

Как дарды, так и нуристанцы распадаются на ряд народов. Среди дардов самый крупный народ – кашмирцы, населяющий одноимённый штат, ныне разделённый между Индией и Пакистаном. Другие известные дардские народы – шины и кохистанцы, живущие на крайнем севере Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, а также пашаи в Афганистане к северо-востоку от Кабула. Народов дардской языковой группы – 5,5 млн. Нуристанцы гораздо малочисленнее – 120 тыс. Они населяют высокогорья Гиндукуша севернее территории, занятой пашаями.

Религия нуристанцев, ещё в начале XX века сохранявшаяся в довольно чистом виде, демонстрирует разительное сходство с верованиями многих древних индоевропейских народов, особенно индоариев, как они известны нам по Ригведе. В 1929 году норвежский этнограф Георг Моргенштерне запечатлел на фото- и киноплёнку обряд жертвоприношения огню у нуристанцев, сходный с описанным в Ригведе. Реальный языческий жрец, одетый в белую хламиду, совершает возлияние в огонь крови жертвенной козы – кажется, что на киноленте ожила глубокая арийская древность... Нуристанцы делили Вселенную на три мира: Урдеш – мир богов, Митдеш – мир живых людей, Юрдеш – преисподнюю. Как это близко и даже созвучно членению мироздания у древних германцев: Асгард, Мидгард и Утгард (в другой интерпретации – Нифльхейм)...

Языки дардов и нуристанцев родственны друг другу, но не близко. Как теперь считают лингвисты, языки нуристанцев первыми откололись от арийских, т.е. индоиранских языков, ещё до того, как последние разделились на собственно иранские и индоарийские. Впоследствии от арийского ствола отделились иранские языки, а уже потом оставшиеся разделились на индоарийские и дардские. Когда это происходило? Окончательный распад индоиранской языковой общности – где-то середина II тысячелетия до н.э., а нуристанские языки, очевидно, обособились ещё раньше. Впрочем, возможно, что это обособление произошло ещё на общей прародине тех и других. Подробнее об этом – в одной из следующих глав.

Глубины Центральной Азии хранят немало живых загадок древности. Ещё одна из них – народ *буриши*, живущий по соседству с кашмирцами, на крайнем севере штата, в высокогорье Каракорума. Их совсем немного – 87 тыс. Принадлежат они к шиитской секте исмаилитов. Язык *буришей* – загадка для лингвистов. Близких соответствий нет ни по соседству, ни вдали. Долгое время его относили к изолированным языкам мира, у которых нет даже отдалённого родства.

В 1980-е гг. отечественный лингвист С.А. Старостин выдвинул гипотезу, по которой языки *буришей*, енисейских *кетов*, пиренейских басков, ряда народов Кавказа, а также, что кажется совсем удивительным, китайский, тибетский и некоторых индейских племён Северной Америки состоят в дальнем родстве. Он предположил существование в прошлом языковой макросемьи, которую он назвал сино-кавказской (т.е. китайско-кавказской).

На первый взгляд, гипотеза выглядит абсурдной. Как могут столь несхожие народы, принадлежащие к разным большим расам человечества, быть родственными? Однако вспомним, что мы выше говорили о несовпадении расовых границ с лингвистическими. Родство языков отнюдь не указывает однозначно на генетическое родство их носителей. Это наверняка – свидетельство географического соседства на каком-то историческом этапе, но не обязательно что-то большее.

Впрочем, для С.А. Старостина, а также для А.Ю. Милитарёва, развивавших теорию языковых макросемей, установление отдалённого родства языков Земли является важным ключом к пониманию картины того, как наша планета заселялась в прошлом различными народами. Мы ещё вернёмся к теории макросемей, на научном уровне возрождающей библейское предание о «вавилонском смешении языков» и о едином праязыке всех людей.

Так или иначе, в лице *буришей* мы имеем дело с представителями доарийского населения части Центральной Азии. Вероятно, они тоже не были автохтонами (а есть ли такие вообще где-нибудь на Земле?), а пришли туда в результате одной из предшествующих миграций. Таким образом, на примере Центральной Азии мы выявили три крупных универсальных миграционных периода древности (ВПН, происходившее в Раннее Средневековье, мы условились рассматривать лишь постольку, поскольку):

1. Миграции сложившихся исторических народов.
2. Более ранние миграции, в результате которых складывались исторические народы.
3. Наиболее древние миграции, в ходе которых возникла первичная картина расселения человеческих рас и предков современных языковых семей.

Эта картина схематичная, только для удобства описания. Продолжим его, двигаясь обратно по шкале времён.

7. На берегах Средиземного моря

В VIII в. до н.э. началась Великая греческая колонизация Средиземноморья. Эллинские поселения стали возникать в Малой Азии, Киликии, Фракии, Сицилии, на юге Италии, севере Африки, Кипре. В большинстве мест Северной Африки, кроме области Кирены (в совр. Ливии), как и в Киликии, грекам закрепиться не удалось. Самые западные колонии возникли на юге нынешней Франции (Массилия, совр. Марсель) и востоке Испании (Сагунт). Восточное побережье Сицилии и юг Италии оказались усеяны поселениями греков столь густо, что эти страны стали называть Великой Грецией.

В VII в. до н.э. греки проникли в Чёрное море, и вскоре эллинские колонии были основаны по всем его берегам, включая побережье Азовского моря. В устье Дона возникла самая северная известная колония греков – Танаис (так греки называли, судя по Геродоту, нижнее течение Дона, а выше впадения в него Северского Донца переносили это название на эту последнюю реку, т.е., в отличие от нас, считали, что Дон впадает в Донец). Геродот сообщает также, что часть греческих колонистов проникла вглубь континента и где-то за землями скифов и сарматов, в стране *будинов* основала город Гелон. Все попытки отождествить Гелон с каким-то раскопанным археологами древним городищем до сих пор не дали результата. Из описания Геродота ясно лишь, что этот город находился уже не в степной, а в лесной зоне, и там водились бобры (район совр. Воронежа?).

Великая греческая колонизация была хорошо организованным предприятием. Как правило, решение о переселении принималось советом или народным собранием эллинского полиса (города-государства). Назначался руководитель колониальной экспедиции – *ойкист*, пользовавшийся непререкаемым авторитетом как правитель колонии на первых порах. Колония становилась независимым полисом, признававшим авторитет метрополии чисто номинально. Для определения места, куда выводить колонию, полис направлял делегацию в Дельфы к знаменитому оракулу Аполлона. Потоки колонистов, отправлявшиеся из враждебных полисов, не сталкивались между собой и редко встречали серьёзное противодействие местного населения. Словом, оракул Аполлона давал хорошо продуманные советы.

Таким образом, Великая греческая колонизация имела единый стратегический и логистический план. Это могло быть возможным только в случае очень хорошего знакомства элиты древних греков с географией и этнографией всего Средиземноморья. Из этого следует заключить, что Великой колонизации предшествовало не одно столетие плаваний древних греков по всему Средиземному морю и его окраинным морям (включая Чёрное), детальное изучение его берегов и населявших его народов. Вероятно, греки времён Великой колонизации пользовались также и теми сведениями, которые сохранились у них ещё со времён прежнего расцвета их цивилизации в эпоху «обильных золотом» Микен.

Микенская цивилизация рухнула в результате передвижений древнегреческих племён, которые в те времена характеризовались большой подвижностью. Впрочем, эта черта не выделяла греков среди соседей-современников. При тогдашнем уровне хозяйства земля, особенно в гористых Балканах, истощалась быстро, и народам приходилось время от времени менять место жительства, совершать перекочёвки, неизбежно сталкиваясь при этом с другими народами, так как совсем ничейной земли не бывает почти никогда. «Страна, называемая ныне Элладой, лишь с недавнего времени приобрела оседлое население, – писал в V в. до н.э. эллинский историк Фукидид, – в древности же там происходили передвижения племён, и каждое племя покидало свою землю всякий раз под давлением более многочисленных пришельцев ... Полагая, что они смогут добыть себе пропитание повсюду, люди с лёгкостью покидали насиженные места». Стронутые с места, вероятно, давлением других пришельцев, дорийцы в XIII–

XII вв. до н.э. завоевали многие области Средней и Южной Греции, разрушив прежде цветущие города и царства.

Среди потеснённых дорийцами греческих племён значение в последующей истории сохранили только ионийцы. Уже в XI–IX вв. до н.э. под давлением дорийцев часть их выселилась на западный берег Малой Азии, который в дальнейшем и стали называть Ионией. Ионическими в древней Греции считались и Афины. В классической Греции удержались только дорический и ионический диалекты, тогда как эолийский и ахейский постепенно сошли на нет. Но в эпоху, предшествовавшую дорийскому вторжению, именно ахейцам принадлежала ведущая роль в Греции. Ахейцами были греческие герои Гомера.

В эпоху Великой колонизации свои колонии основывали и ионийские, и дорийские полисы. Характер их колонизации настолько различался, что это дало основание историкам говорить о двух моделях древнегреческой колонизации. Дорийская колонизация сопровождалась порабощением туземного населения. В самой Греции типичной моделью дорийского полиса на протяжении веков была Спарта, а среди колоний по такому же образцу создавался Херсонес Таврический близ нынешнего Севастополя в Крыму. Ионийская колонизация характеризовалась установлением более-менее мирных отношений с окрестными «варварами». Это иногда приводило к тому, что «варвары» захватывали власть в колонии, но в целом обеспечивало колонии большую политическую гибкость перед лицом «варварского» окружения. Примером ионийской колонии была Ольвия в устье Гипаниса (Южного Буга) близ современного Николаева на юге Украины.

Возвращаясь назад, ко временам разрушения дорийцами микенской цивилизации, надо отметить, что далеко не все историки принимают такую причину её гибели. Многие в этом процессе до сих пор неясно. Во всяком случае, города микенской цивилизации, достигшей расцвета в XVII–XIV вв. до н.э., приходили в упадок и забрасывались не одновременно, а некоторые даже переживали период повторного подъёма. Отечественные историки обратили внимание на узко элитарный характер микенской цивилизации, для которой роковой оказалась гибель верхнего слоя её носителей в войнах. «Уцелевшие в каждой области обитатели не были заинтересованы в восстановлении царского могущества, для них было жизненно важным сохранение традиционных общинных и внутриплеменных связей, – пишут они в первом томе советской «Истории Европы». – Эти тенденции были столь сильны, что даже выжившие царские семьи постепенно утратили своё господствующее положение ... Исчезло и употребление сложного ахейского письма, которое было бесполезно сельчанам и простым ремесленникам ... Волна переселения народов, обрушившаяся на Грецию на рубеже XIII – XII вв. до н.э., могла смыть непрочный слой элитарной дворцовой культуры».

Обращено внимание и на то, что, несмотря на племенную разнородность Греции, культура правящего слоя микенской цивилизации была единой: «По всей стране династические круги в XVI–XIII вв. до н.э. неукоснительно придерживались общих культурных традиций». А это даёт основание предполагать, что элита имела этнические отличия от основной массы подвластного населения. И у древнегреческих авторов сохранились упоминания народа, который населял Грецию до прихода туда собственно греков. Этот народ – загадочные *пеласги*, по поводу происхождения которых выдвинуто немало теорий.

Загадке *пеласгов* посвящена обширная литература. Некоторые авторы связывают пеласгов с другим таинственным народом древности – *этрусками*, указывая на то, что греки называли этрусков *тирренами* (отсюда до сих пор – Тирренское море) или *тирсенами*, а как последним причисляли пеласгов. Им возражают, говоря, что Геродот упоминал лишь о соседстве пеласгов с тирсенами в Северной Греции, но не об их тождестве. Пеласги и тирсены для греков – разные народы, причём в древней истории Эллады гораздо большее значение имели пеласги.

По сообщениям древнегреческих авторов, пеласги населяли почти всю Элладу и близлежащие острова до прихода туда собственно эллинов (т.е. ещё ахейцев). Сами греки пришли откуда-то с севера, возможно, с Дуная, о чём может свидетельствовать одно из племенных названий ахейцев – *данайцы*. Контакты между греками и пеласгами, согласно греческой традиции, носили как правило мирный характер. Причём греки признавали, что пеласги стояли на более высоком уровне развития, и греки позаимствовали у пеласгов многие навыки в земледелии и строительном деле. Завершилось всё это смешением пеласгов с греками, причём только после этого население древней Греции стало достаточно многочисленным. Смешанное население в массе своей восприняло греческий язык, хотя ещё во времена Геродота кое-где оставались группы, говорившие на языке пеласгов.

Здесь мы не будем затрагивать вопрос происхождения пеласгов, ограничившись констатацией наличия этого развитого до-греческого народа Греции. Вернёмся к тому, как ахейцы пролагали пути будущей Великой греческой колонизации за сотни лет до неё.

Многие археологические открытия XX века позволили учёным переосмыслить свидетельства древнегреческого эпоса и признать, что во времена микенской цивилизации грекам (ахейцам) был хорошо известен бассейн Средиземноморья. Более того, отдельные исследователи сочли возможным говорить даже об ахейской Великой колонизации. Ведь после гибели микенской цивилизации эллинам пришлось взбираться на тот уровень развития, который был ранее ими уже достигнут. Неудивительно, если среди достижений микенской эпохи, повторенных греками в эпохи архаики и классики, было и освоение Средиземноморского бассейна.

Сказания Гомера о странствиях Одиссея, миф о плавании Ясона и аргонавтов за золотым руном отражают знакомство до-гомеровских греков с окружающим миром, включая берега Чёрного моря, хотя этот мир для греков поначалу был полон всяких опасностей. Археологические находки свидетельствуют: ещё в XVI в. до н.э. ахейцы появлялись у берегов Италии, а в XIV–XIII вв. до н.э. они основали там свои поселения. «Греки-микенцы внесли свою лепту в формирование римского этноса: они оставили свои следы в языке и религии римлян и этрусков, обогатили своим хозяйственным опытом животноводство и пахотное земледелие в Италии, – пишет крупный отечественный историк древнего Рима И.Л. Маяк, – согласно некоторым современным исследованиям, жители древнейшего Лация заимствовали от микенцев-аркадцев, а не от этрусков, как считалось ранее, обычай носить тогу – плащ из шерстяной ткани, а также мастерство изготовления льняной одежды». Памятники ахейского слогового письма сохранялись в Италии всё римское время и были известны ещё в VI в. н.э., только их никто уже не мог прочесть.

Высадившись на берега Северной Африки, ахейцы ознакомились с древнейшей караванной дорогой, ведущей через Сахару. Как считает французский исследователь Анри Лот, ахейцы первыми из европейцев пересекли Сахару от Средиземного моря до берегов Нигера. Сахара в то время, впрочем, ещё не была безводной пустыней, и в качестве тягловой силы ахейцы использовали обыкновенную лошадь. На скалах нагорья Ахаггар и плато Тассилин в Алжире найдены рисунки древнегреческих колесниц.

Ахейские колонии оказались недолговечны в большинстве тех мест, где они возникали. Исключение составили ахейские поселения на Кипре, основанные не позднее XIII в. до н.э. Ахейцы создали на Кипре ряд государств, сохранивших традиционное династическое устройство микенских царств. Даже ахейский диалект, несмотря на последующий наплыв ионийских колонистов, удержался на Кипре до эллинистической эпохи (после походов Александра Македонского). На Кипре микенская цивилизация продлила своё существование ещё на тысячу лет после того, как на континенте она исчезла.

С ахейцами многие историки связывают сообщение древнеегипетских надписей о загадочных «народах моря», во времена фараона Мернептаха (XIX династия; конец XIII в. до н.э., но есть и другие датировки) и позднее вторгавшихся в Египет с моря, а также по суше с запада

вместе с ливийцами (берберами) Северной Африки. «Народы моря» в XIII–XII вв. до н.э. разрушили финикийский город Угарит, подорвали царство хеттов в Малой Азии, пробовали закрепиться в Египте, но это им оказалось не под силу. Большая часть «народов моря» осела на побережье Палестины, которая и стала называться так по имени одного из этих народов (вернее, по искажённому этнониму *филистимляне*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.